

Игорь Бурдонов

МАНАСТЫРЬ

теоматическая пьеса

Келья № 5

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойного нуля.

— Как вас зовут?

— Меня зовут Молитвой или Выдохом. Но вы можете называть меня просто Окно.

— Это хорошо, но я спрашивал ваше имя, а не ваши многочисленные прозвища.

— Так это и есть моё имя.

— И что же мне записать в протокол?

— Напишите просто Е.

— Молитва, Выдох, Окно, Е – это что, по-вашему, одно и то же?

— А разве нет? Подумайте сами: Молитва звучит как Выдох, а в визуальном плане этому соответствует Окно. Когда вы смотрите в Окно, вы будто покидаете себя и уносите вдаль, как покидает вас и уносится вдаль ваше дыхание. А куда оно уносится? Ну, конечно же, туда, куда обращена Молитва, любая молитва.

— И это то же самое, что буква Е?

— Так уж получилось. Чтобы быть точным, вам нужно написать в протоколе «Е простое».

— А бывает сложное?

— Только в сожизни, здесь вряд ли.

— Где-где?

— Сожизнь. Жизнь, но только наполовину здесь, а наполовину – там, к тому же там она не наша. Ну, это такой термин, принятый в нашем монастыре.

— Послушайте, меня не интересует ваша религия. Я расследую дело об усекновении вашего настоятеля, и мне нужны факты, а не фантазии.

— Сожизнь – это не фантазия, к тому же никакого отношения к нашей вере не имеет. Это математический термин. Я стараюсь вам помочь, поэтому говорю: пишите в протоколе «простое Е». Так будет точнее, и вы ни с кем другим меня не спутаете.

- Вы меня уже запутали. Ладно, оставим это, в конце концов, не важно, как вас зовут. Меня интересует только один вопрос: что вы видели? И что вы знаете?
- Это два вопроса.
- Хватит юлить, отвечайте!
- Ну, хорошо. Я видел мостик через речку, только вода в ней не текла, потому что, как вам известно, сейчас зима, и вода замёрзла. Собственно, я каждый день вижу этот мостик из окна своей кельи.
- Дальше.
- А дальше всё.
- Как это всё?
- Ну, не совсем всё. Там ещё были деревья, снег лежал по берегам, ветер был, правда, не сильный, он только немного смял воздух. Но вы ведь не об этом спрашиваете.
- !
- Хорошо, хорошо. Мне кажется, я понимаю, причину вашего непонимания. Но я сказал правду: я видел мостик. А вот настоятеля на мостике я не видел.
- То есть вы ничего не видели?
- Почему же ничего?! Я вам уже говорил.
- Вы говорили, что видели мостик, а настоятеля не видели... А что: должны были видеть?
- Ну, это не входит в мои обязанности, но действительно: каждое утро, когда я глядел в окно, я видел, как настоятель стоит на мостике.
- А в то утро не видели? Понятно... Что еще вы можете сказать?
- Я мог бы сказать многое, но вы ведь опять не про то спрашиваете. Вас интересует только настоятель.
- Не настоятель, а его усекновение.
- По сути, это одно и то же. Мы все могли бы догадаться об этом раньше. Наш настоятель, он был... как бы это сказать: не полон. Всё время чего-то не хватало. Но в нашем монастыре не принято обсуждать подобные вещи. Мы собрались здесь только для того, чтобы решить математическую проблему.
- Какую проблему?
- Чтобы пояснить её суть, мне придётся начать издали...
- Ладно, не нужно. Так что там с настоятелем? Что было не так?
- Ему не хватало усекновения.
- Да? А теперь, значит, хватает?
- Получается так. Хотя, конечно, это требует более тщательного анализа.
- И кто же его усек?
- О чём это вы?
- Я спрашиваю: кто организовал усекновение, кто заказал, кто исполнил?
- Но это же природное явление. Не думаете же вы, что мы умеем управлять погодой?

- Природное явление? Вы что, издеваетесь?
- Я понимаю: вам это так видится. Но поверьте: для меня и, думаю, для всех остальных монахов и монахинь здесь нет умысла. Да, есть тайна, загадка. Есть проблема. Не знаю, удастся ли её решить.
- Для этого я сюда и приехал.
- Господин следователь, моё время истекло: мне пора на вечернюю молитву.
- Ладно, продолжим потом. Прочитайте и подпишите протокол.
- Здесь ошибка, господин следователь.
- Какая ошибка?
- Вы пишете «монах» и «монахиня». Через букву «о».
- Так во всех словарях.
- В словарях да, но не у нас.
- Это почему же?
- Мы пишем через «а», потому что это аббревиатура: мАнах – это математический монах, мАнахиня – математическая монахиня.
- Вы ничего не путаете? Мы в монастыре, а не в университете.
- Нет, мы в мАнастыре. Математический монастырь.
- Хорошо, я исправлю. Вы свободны. Только никуда не уезжайте из мАнастыря.
- Даже если бы это было возможно...
- До свидания!

Келья № 2

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день нулевых Близнецов.

- Меня зовут Бета Дом, я 2-ой монах этого монастыря. Обязуюсь отвечать на вопросы, на все ваши вопросы, и только на ваши вопросы, господин следователь.
- Это хорошо, а то господин Е постоянно увиливал, и приходилось клещами вытягивать из него факты.
- Вы должны его простить, господин следователь, он ведь 5-ый монах, и ещё совсем недавно был всего лишь учеником. Отвечая вам, он как бы повторял хорошо выученный урок вместо того, чтобы творчески адаптироваться к ситуации.
- Ну, хорошо. Ответьте мне, Бета Дом, на первый вопрос: что лично вы видели из окна своей кельи в то утро?
- Я видел дерево, господин следователь.
- Я был в вашей келье и прекрасно знаю, что из её окна видно дерево.

- Вовсе нет, господин следователь. Обычно я его не вижу – примерно в том же смысле, в каком вы говорите «не обращаю внимания».
- А в этот раз обратили?
- Да, я увидел, что дерево стало полнее.
- В каком смысле? Толще что ли?
- Да нет, конечно. Просто... как бы это объяснить? Ну, вроде бы у него появилась сожизнь.
- Опять сожизнь! Что это за термин у вас такой. И почему он математический?
- Это вам 5-ый монах Е сказал? Он, знаете ли, не вполне постиг. Термин этот скорее метаматематический. Дело в том, что математика не может ведь начинаться с нуля, у неё есть некоторое начало, которое само ещё математикой не является. Мы это называем метаматематикой.
- Вы тоже увильваете в сторону.
- Что вы, господин следователь, я только отвечаю на ваши вопросы.
- И к вашей религии эта сожизнь отношения не имеет?
- К религии нет, господин следователь. Но ведь религия, как и математика, начинается не с нуля. Мы называем это метарелигией, которая совпадает с метаматематикой. Впрочем, это совпадение не доказано, пока это только гипотеза. Но в любом случае термин сожизнь принадлежит пересечению метаматематики и метарелигии.
- А к усекновению настоятеля это имеет отношение?
- Ну, разумеется, как и всё здесь теперь происходящее.
- Это значит и да и нет.
- Это значит и да и нет.
- Хорошо, сформулирую вопрос иначе: эти изменения в дереве, которое видно из окна вашей кельи, являются следствием усекновения или его причиной?
- Я бы сказал, обратным следствием.
- Поясните.
- В философии есть понятие конечной причины, это близко к тому, что мы называем целью. Сначала что-то происходит, а потом оказывается, что оно происходит не само по себе, а ради чего-то последующего. Но я бы не стал утверждать, что усекновение произошло ради полноты дерева. В математике есть обратное следствие, когда сначала идёт то, что следует, а потом то, из чего оно следует. Обычно это понимают как чисто пространственное расположение: что-то пишут на бумаге слева, а что-то справа. На бумаге легко поменять местами левое и правое и зеркально отразить значок следования. Если это происходит не на бумаге, а во времени, то усекновение оказывается обратным следствием полноты дерева. Иными словами, полнота дерева – свершившийся факт, что сразу же влечёт многочисленные последствия. Но этот факт был бы невозможным, если бы не произошло

усекновение, поэтому усекновение тоже как бы следует из факта полноты дерева. Хотя само усекновение произошло, я повторю, вовсе не ради полноты дерева. Во всяком случае, не только ради этого.

— А ради чего?

— Полагаю, ради решения нашей математической проблемы. Но это метафора, а не факт. Пока я вижу слишком много пустых звеньев в цепочке доказательства.

— Давайте всё же придерживаться фактов. Из окна вашей кельи, кроме дерева, видно некое здание. Что это такое?

— Это Дом.

— Понятно, что дом. А что за дом?

— Просто Дом.

— Но что в нём находится? Для чего этот дом?

— Этого я не знаю.

— Господин Бета Дом,... кстати, ваше имя как-то связано с этим домом?

— Дом в моём имени – это и есть Дом за окном моей кельи.

— Вы хотите сказать, что в монастыре вам дали такое имя, потому что из окна вашей кельи виден дом? А если бы было видно что-то другое, то имя было бы другое?

— Господин следователь, вы задали два вопроса, но ответы на них разные. На второй вопрос я отвечаю: да, если бы за окном было что-то другое, моё имя было бы другим. Но на первый вопрос я отвечаю: нет.

— А тогда почему вам дали такое имя?

— Мне его не давали.

— Это ваше настоящее имя? Данное при рождении?

— Господин следователь, здесь опять два вопроса. Да, это моё настоящее имя, но не его мне дали при рождении.

— Так откуда же оно взялось, чёрт возьми!

— Этого я не знаю. Мне кажется, мы не понимаем друг друга из-за того, что вы пытаетесь расположить ряд фактов на оси времени: что раньше, что позже. Но в нашем монастыре мы не делаем различия между пространством и временем.

— В своём монастыре вы можете делать что угодно, если это не запрещено законом. Но различие между пространством и временем существует независимо от ваших умозаключений.

— ...

— Что вы молчите?

— Вы не задали никакого вопроса, господин следователь.

— Прочтите, подпишите и до свидания!

Келья № 8

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день первых Близнецов.

- Госпожа Хета, что вы знаете об усекновении настоятеля?
- Мне кажется, это возрастное.
- Что возрастное?
- Усекновение. Бывают, знаете ли, такие старческие болезни...
- Усекновение – это болезнь?
- Или не болезнь, а естественное изменение. Да откуда мне знать: я ведь манахиня, к тому же 8-ая.
- А кстати, почему в вашем монастыре проживают совместно мужчины и женщины? Разве вы не даёте обет безбрачия?
- Безбрачия да, господин следователь. Но не целомудрия.
- Вы хотите сказать, что занимаетесь здесь, в монастыре, сексом?
- Только в математическом смысле, господин следователь.
- Что это значит?
- Вот смотрите, господин следователь: у вас пенис, а у меня вагина.
- И что?!
- Значит, миры нашего восприятия заведомо не тождественны. Но в то же время нельзя сказать, что они параллельны. Параллельные миры не воспринимают друг друга, а мы с вами друг друга воспринимаем. Поэтому наши миры пересекаются. Я бы сказала, что они перпендикулярны, учитывая, что вы не манах. И в точке пересечения ваш пенис окажется в моей вагине.
- Не окажется!
- У вас совсем нет воображения, господин следователь.
- Госпожа Хета! Вам не удастся меня соблазнить и тем самым запутать следствие. Говорите по существу дела.
- Но это невозможно!
- Что невозможно?
- Женщина, даже манахиня, не может говорить с мужчиной по существу усекновения. Это противоестественно.
- Так, в этом направлении мы зашли в тупик...
- Математически это не тупик, господин следователь, это скорее гонки.
- Не перебивайте меня! Зайдём с другой стороны: вы выглядывали в окно своей кельи в то утро?
- Конечно, это же прописано в уставе монастыря.
- И что вы видели?
- Я видела забор. А за забором – дорогу, и за ней домик с тремя окнами.
- Я спрашиваю: видели ли вы что-нибудь необычное?

- Ах, господин следователь, разве такой вид можно назвать обычным?
- Отвечайте на мой вопрос!
- Я стараюсь. Но всё дело в том перпендикуляре, о котором вы мне не дали договорить. Ведь брак – это как бы круг вокруг своего центра, которым является пересечение перпендикулярных миров. Этот круг может быть большим или маленьким, но в любом случае вы не должны выходить за его пределы. Но люди всё равно выходят! И тогда вместо того, чтобы решать математическую проблему, они начинают решать проблему брака. Вот почему мы даём обет безбрачия, а вовсе не потому, о чём вы подумали.
- Я ни о чём не подумал.
- Это не важно. Важно то, что вы даже не манах, господин следователь. Поэтому вы не знаете, что два окна в домике – это два перпендикулярных мира. Но тогда третье окно – это третий мир, перпендикулярный им обоим и выводящий из плоскости в трёхмерное измерение. Понимаете, как это страшно!
- Не понимаю.
- Это не важно. Важно то, что мне не положено выходить за забор. Там, за забором, ничего не должно быть. А в то утро там оказалась дорога, что ещё туда-сюда, но что гораздо хуже, там оказался домик, да ещё с тремя окнами.
- Да что в этом ужасного, кроме ваших безумных фантазий на тему брака!?
- Ну как вы не понимаете, господин следователь. Ведь у вас пенис, а у меня вагина...
- Всё, достаточно. Прочтите и подпишите.
- Здесь подписать?
- Да, где галочка.
- Я не могу здесь подписать.
- Это ещё почему?
- Потому что это не перпендикулярно. Давайте я лучше вот здесь подпишу.
- Подписывайте где угодно и до свидания.
- Господин следователь, если вы назначаете мне свидание, то не забудьте, пожалуйста, что у вас пе...
- Прощайте!
- Хорошо, я вас прощаю. Только не перелезайте через забор.
- Что?

Келья № 11

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной единицы.

- Имя и номер.

- Моё имя Каппа. Я 11-ая манахиня.
- Когда вы последний раз видели настоятеля?
- Сегодня ночью.
- Да? Где? В котором часу?
- Это было прямо напротив окна моей кельи. Его руки колыхались, а пальцы трепетали.
- Он что-нибудь сказал?
- Да, он говорил, говорил долго. Правда тихо, и речь была неразборчива, она путалась в его бороде, как ветер в листве.
- Он пытался что-то сообщить вам? Может быть, жестами?
- Он показывал всё время куда-то направо.
- А что там, направо?
- Там ничего нет.
- То есть вы не видели, что там?
- Я не видела, потому что там ничего не было.
- В котором часу это было?
- Не могу сказать. Я ведь не могла посмотреть на будильник.
- Почему не могли?
- Святая простота! Потому что это было во сне, господин следователь.
- Что вы морочите мне голову!
- Но это правда. Я видела настоятеля этой ночью во сне. Он почти проник в мою келью через окно. Ещё бы немного и его колыхающиеся руки обняли бы меня, его трепещущие пальцы дотронулись бы до моей кожи, его губы, что-то бормотавшие в глубине бороды, коснулись бы...
- Хватит! Меня интересует, что было на самом деле, а не что вам привиделось или приснилось.
- А! Ну, так сразу бы и сказали. Я не знаю, что было ночью, потому что спала. А утром, как обычно, выглянула в окно.
- И что там увидели?
- Я увидела дерево прямо напротив моей кельи. Его ветви колыхались, а листья трепетали. И как будто что-то шептали, но тихо и неразборчиво. Наверное, это от ветра, господин следователь. Он дул слева, и все листья показывали куда-то направо...
- Так, понятно. Вы же знаете: я расследую усекновение. А вы потратили моё время, не сообщив по этому поводу ровным счётом ничего!
- Так вас интересует усекновение? Что же вы сразу не сказали. Это моя любимая тема. Мы тут поспорили с 8-ой манахиней насчёт пениса и вагины...
- Опять!?
- Так вы уже в курсе? Ну, конечно, эта 8-ая манахиня, её зовут Хета, просто помешана на планиметрии, она прекрасно умеет решать всякие задачки на плоскости. А вот стереометрия её пугает. Но вы же понимаете, усекновение

на плоскости не представляет никакого математического интереса. Только в трёхмерном пространстве...

— При чём тут трёхмерное пространство? Я спрашиваю про усекновение настоятеля.

— Господин следователь, вы думаете, трёх измерений мало? Это интересно, Бета Дом (это 2-ой манах) тоже намекал мне...

— Стоп! Ваши математические проблемы и, чтобы уж сразу предупредить, ваши религиозные проблемы меня тоже не интересуют. Что вы можете сказать про усекновение?

— При таких ограничениях ничего, господин следователь.

— Да что ж это такое? Вы все несёте какой-то математический бред, или псевдоматематический, я в этом не разбираюсь, а женщины всё сводят к пенису и вагине. Это нормально для монастыря?

— Но это же математический монастырь, господин следователь.

— Тогда при чём тут пенис?

— О! Я могу вам рассказать об этом подробнее.

— Не надо! Распишитесь вот тут и уходите.

— Господин следователь, можно я на прощание дам вам один совет?

— Нельзя!

— А я всё равно дам. Разговаривая с женщиной, никогда не показывайте ей свои ладони. Там же всё видно! Ха-ха-ха...

Келья № 18

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день вторых Близнецов.

— Здравствуйте, меня зовут Цади-сан. Я 18-ый манах и я имею сделать заявление по поводу усекновения.

— Слушаю.

— Никакого усекновения не было.

— Как это не было?

— Вообще не было, нет и быть не может.

— Та-а-а-к...

— Совершенно с вами согласен: именно так.

— Да говорите же!

— А что тут говорить? Некоторые манахи, и даже манахини, независимо от их рангов и номеров, склонны вести доказательство, не удосужившись убедиться в верности посылки. Из любви, так сказать, к математическому искусству. Согласен, упражнение полезное, но только как упражнение. Не нужно выдавать результат такого доказательства за реально существующее.

Ведь так можно доказать всё, что угодно. А существует только то, что существует.

— К чему вы клоните?

— Вы расследуете усекновение настоятеля, так?

— Так.

— А с какой целью?

— Не понял вас.

— Поясняю. Из окна моей кельи видна скала и россыпь камней под ней. Если в одно прекрасное утро камни исчезнут, можно задать вопрос: куда делись камни? И попытаться найти ответ. Это и есть цель. А теперь, господин следователь, посмотрите в окно за вашей спиной. Там есть камни?

— Нет.

— Господин следователь, там даже скалы нет. Понимаете?

— Ничего не понимаю.

— Н-да. Каппа меня предупреждала.

— Предупреждала о чём?

— О том, что вы не очень-то проникательны, господин следователь.

— Оставим мою проникательность в покое. Скажите прямо: по вашему, было усекновение или не было?

— Господин следователь, у вас есть пенис?

— И вы туда же!?

— Вот видите, как вы нервничаете. Вам задают простой вопрос, а вы начинаете подозревать спрашивающих в сексуальных домогательствах. А теперь представьте себе, что ваши вопросы про усекновение вызывают у нас, монахов и монахинь, аналогичную реакцию.

— Мне плевать, какую реакцию это у вас вызывает. Мне нужно расследовать это дело. И точка.

— Так расследуйте.

— Вы пришли с заявлением. Будьте любезны, изложите его так, чтобы я мог записать это в протокол.

— Вы вынуждаете меня нарушить один из пунктов устава монастыря.

— Повторяю ещё раз: мне плевать.

— Ладно. Грех будет на вашей совести. Пишите: усекновения не было, потому что не было настоятеля.

— Вы издеваетесь? Всем известно, что настоятель был.

— Это как посмотреть, господин следователь. В том смысле, в каком настоятель был, возможно, было и усекновение. Но не более того. Я же с этого начал: с онтологического статуса математических выкладок.

— В каком смысле настоятель был? Или в каком он не был?

— Рыболовы знают, что для каждого вида рыбы нужен свой рыболовный крючок. Охотники выслеживают дичь по следу, который разный у разных зверей. Писарь выбирает кисть в зависимости от сорта бумаги. Так и тут

смысл зависит от точки зрения задающего вопрос. С точки зрения Каппы, 11-ой манахины, настоятель, безусловно, не только был, но и есть. Ну, это понятно: она же по нему сохла, вся трепетала при его появлении, это всем известно. Для простого Е настоятель – почти абстракция, ему вообще не важен онтологический статус. Да и настоятель его почти не замечал: так, кивнёт головой и дальше идёт. Хета относилась к настоятелю, как к чему-то давно прошедшему, то есть в настоящем как бы уже и не существующему. Она же молоденькая, ей замуж хочется выскочить. Я вообще не понимаю, что она в монастыре делает. Бета Дом и вовсе конвенционалист: он готов признать существование или несуществование настоятеля просто потому, что так ему удобнее в его математических изысканиях. А кроме них, его ничего и никто не интересует, в том числе настоятель.

— А вы, Цади-сан, в настоятеля просто не верите? Несмотря на очевидные факты.

— Можно и так сказать. Только очевидность фактов зависит от точки зрения...

— Пора и вам на вечернюю молитву. Подпись поставьте внизу справа.

Келья № 21

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день вторых Близнецов.

— Госпожа Син-син, вы 21-ая монахиня этого монастыря, правильно?

— Совершенно верно, господин следователь.

— Что вам известно об усекновении настоятеля?

— Не больше, чем остальным, с кем вы уже беседовали.

— Но их показания противоречат друг другу. Их и показаниями-то назвать нельзя, просто какие-то фантазии или даже сны.

— Это потому, что на самом деле они ничего не знают.

— И?

— И я ничего не знаю.

— ...

— Господин следователь, я ничего не знаю про усекновение. Но, если хотите, я могу рассказать вам о настоятеле, о том, что он за человек.

— Внимательно слушаю вас.

— Мы познакомились много лет назад. Не здесь. Тогда я ещё не была манахиной, а он не был настоятелем. Просто молодой человек приятной наружности. Только немного худоват, на мой вкус, атлетом его нельзя было назвать. У него были красивые пальцы, немного тонковатые, которыми он вечно отстукивал ритмы популярных рекламных песенок, правда, врал безбожно. Волосы падали ему на плечи и немного завивались, так что сзади

его можно было принять за девушку. Поэтому он отращивал бородку, хотя она ему не шла: слишком узкая и тоже курчавилась. Глаза у него были очень светлые, так что казалось, что он всё время смотрит на вас, что-то отслеживая. Но поймав его взгляд, вы обнаруживали, что смотрит он не на вас, а гораздо дальше, слишком далеко, где он уже ничего не видел.

— Госпожа Син-син...

— Потерпите ещё немного, господин следователь. Я ведь не знаю, что окажется важным для расследуемого вами дела, а что нет. Да вы и сами не можете этого знать, пока дело не закрыто. Я продолжу. В то время он изучал логику в математическом университете. Он был одним из лучших студентов, одну его работу даже напечатали в «European Journal of Mathematical Logic». Что-то про математическую двусмысленность противоречия и логические системы с включённым третьим. Он называл их «лугиками», это аббревиатура от «лукавые логики». После окончания университета его приглашали в аспирантуру, но он отказался и неожиданно для всех уехал в Китай. Понимаете, господин следователь, тогда это был ещё старый Китай, отсталый, в котором все голодали и ничего не могли поделать. И он поехал не в Пекин и не в Шанхай, а в глухую западную провинцию, даже не в город, а в маленькую деревню. Он объяснял свой поступок немного странно: «Китайцы не понимают нашу математику. Я попытаюсь им объяснить, и тогда, может быть, они объяснят нам, в чём мы не правы».

— Сколько же лет назад это было?

— Много, господин следователь, очень много. Но я с некоторых пор перестала считать годы, и теперь не могу ответить на ваш вопрос точно. Мы прожили в Китае, наверное, лет десять.

— Вы тоже поехали с ним?

— Да, разве я не сказала? Мы поехали как муж и жена, поженились ещё в университете.

— Вы тоже там учились?

— Да, только я изучала не логику – для меня это слишком сложно – а обычную дифференциальную топологию. На чём я остановилась?

— На том, что вы прожили в Китае десять лет. Что вы там делали?

— Да, в общем-то, ничего. Муж находил каких-то древних стариков и проводил за беседу с ними долгие часы. А я была просто женой: готовила, стирала, делала покупки, сметала пыль...

— И всё это время вы не общались с внешним миром, с коллегами?

— Муж несколько раз посылал в математические журналы свои статьи, но их не принимали.

— Почему?

— Говорили, что это не математика.

— А что же это было?

— Математическая теология. Но тогда мы этого ещё не осознавали. Муж думал, что нашёл новые подходы в математической логике. Понимаете, ему не нравилось, что математические, а по сути, логические парадоксы воспринимаются как что-то плохое, от чего в хорошей математике нужно избавляться, пусть даже ценой сужения самой математики. Вы знаете что-нибудь об этих парадоксах, господин следователь?

— Ну...

— Это очень просто. Вот, например, парадокс брадобрёя. «Деревенский брадобрёй бреет того и только того, кто не бреется сам. Спрашивается: должен ли он брить самого себя?» Этот парадокс придумал Бертран Рассел для теории множеств Кантора, только там он звучит немного иначе: не про брадобрёя, а про множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Теорию Кантора ещё называют «наивной» теорией множеств. Наивной, потому что она не знает никаких ограничений, а это ведёт к противоречиям.

— Подождите, госпожа Син-син. Но ведь такое требование к брадобрёю действительно противоречиво. Не может быть такого брадобрёя.

— Вот видите, вы тоже так думаете. А мой муж считал, что может. Даже должен быть, раз мы смогли его помыслить. Он считал, что математика, в которой нет противоречий, слишком бедна.

— Но разве противоречие не противоречит самой сути математики, извините за каламбур?

— Противоречит. Но мы не хотели отказываться от парадоксов. Математика, в которой их нет, уже не может описывать весь мир. Она отражает только тот мир, который доступен пониманию человека. Но ведь наш мир создан не человеком.

— И вы решили, что, раз мир создан Богом, то должна существовать некая божественная математика, в которой противоречия не запрещены?

— Что-то в этом роде. Но это увело нас слишком далеко, господин следователь. Вернувшись из Китая, муж основал не математическую школу, а математический монастырь.

— И вы продолжали оставаться мужем и женой?

— Только фактически, господин следователь. Формально это запрещено уставом.

— Станный у вас монастырь...

— Не больше, чем противоречивая математика. Но настоятель не учёл одного.

— Чего же?

— Что у вас, господин следователь, пенис, а у меня вагина.

— Госпожа Син-син!

— Шучу. Где тут у вас в протоколе подпись поставить?

- Подождите, я должен задать вам ещё один вопрос. Что вы видели из окна своей кельи в то утро?
- Как вы узнали?
- Что узнал?
- Что на деревце за окном моей кельи в ту ночь распустились десятки белых цветов. Как будто деревце открыло рот и показало свои сверкающие зубки, благоухающие как маленькие жемчужины сианьских пельменей.
- Вот место для подписи.

Келья № 15

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной двойки.

- Господин Самекси, вы знали, что настоятель и госпожа Син-син были мужем и женой?
- Чушь! С чего вы это взяли?
- Об этом мне рассказала сама госпожа Син-син.
- Врёт она всё. Настоятель ей в сыновья годится.
- Он что, так молод?
- Да примерно вашего возраста.
- Значит, они не могли учиться в одном университете?
- Каком университете? Она даже школу не кончила, отчислили за неуспеваемость.
- А настоятель?
- Он был довольно образован, но, так сказать, в широком смысле. Между нами говоря, в математике он ничего не смыслил.
- Как же он стал настоятелем математического монастыря?
- Кто-то же должен быть. У меня, например, на это времени нет: нужно решать математическую проблему.
- Какую проблему?
- У нас тут одна проблема на всех.
- Кажется, я уже готов услышать, что это за проблема.
- А я не знаю.
- Вы решаете проблему, но не знаете, что это за проблема?
- В этом и проблема. А так была бы просто очередная математическая задачка.
- Н-да... А чем занимается госпожа Син-син в вашем монастыре?
- Она кухарка.
- Понятно. И её рассказ о поездке в Китай тоже неправда?
- Ну, почему же, была она в Китае, давно, правда, там и готовить научилась.

- А настоятель?
- Тоже был. В прошлом году мы вместе были, монастырской группой, в турпоездке. Пекин, Шанхай, Ханчжоу, на Хайнане в море купались.
- Скажите, господин Самекси, почему мне все врут? Как вы думаете?
- А зачем вам это?
- Что зачем?
- Ну, что я думаю. Ведь есть вероятность того, что я тоже совру.
- А вы не врете!
- Я и не вру. Только как вы проверите, правду я говорю или нет?
- Как обычно: сопоставлю показания разных свидетелей.
- А если все врут, как вы говорите?
- Человек не может только лгать, хоть что-то в его показаниях оказывается правдой. Нужно только провести сравнительный анализ. Кроме того, что-то подтверждается или опровергается документами, что-то я вижу сам. В общем, это рутинные методы нашей работы.
- Очень забавно! Господин следователь, вы мне как-нибудь на досуге расскажите об этом подробнее.
- О чём?
- О ваших методах. Может быть, они пригодятся мне в математических изысканиях.
- Сначала нужно расследовать это дело об усекновении настоятеля.
- Оно вас так интересует? Да бросьте вы эту фигню.
- Не понял?
- Было усекновение, не было усекновения, какая разница! По большому счёту это ничего не меняет.
- Ну, тут я вашего мнения не спрашиваю. Ответьте мне ещё на один вопрос: что вы видели в то утро из окна своей кельи?
- Я не смотрел в окно.
- А разве это не нарушение устава монастыря?
- Ну и что? Хочу нарушаю, хочу нет.
- Не понимаю. Вас же за это могут отчислить из монастыря.
- Ой, не смешите меня! Где они ещё найдут специалиста по теории вероятностей? Они и меня-то не нашли бы, если бы врач не прописал мне свежий воздух, тишину и покой. Это после того, как я подрался с одним аспирантом.
- Подрались? Из-за чего?
- Он нашёл ошибку в моих доказательствах.
- Так вы должны были быть благодарны ему.
- Ещё чего! Послушайте, теория вероятностей – опора математики, да и вообще любой науки. Потому что нет стопроцентной истины, есть только утверждения с тем или иным распределением вероятности ошибки. Ну, какова вероятность, что кто-то найдёт ошибку в моём тексте? Там было сто

страниц, многие ли осият просто прочитать их, не говоря уже о детальной проверке?

— Не пойман – не вор?

— Именно так. Утверждение верно, пока никто не доказал обратного. Правда, не все с этим согласны. Почему-то в жизни действует презумпция невиновности, а в науке – наоборот, презумпция виновности. Учёный всё время должен что-то доказывать. Это утомительно, в конце концов!

— А разве может быть иначе? Ведь тогда кто угодно может высказывать какие угодно утверждения.

— А я не кто угодно. Послушайте, в науке полно утверждений, которые называются гипотезами. А что такое гипотеза? Недоказанное утверждение. Просто такие утверждения не разрешено делать кому угодно. Это могут себе позволить только уважаемые люди с хорошей репутацией. Есть гипотеза Римана, гипотеза Эйлера, гипотеза Кеплера. А благодаря тому паршивцу аспиранту теперь, увы, нет гипотезы Самекси. Разве это справедливо?

— Ну, хорошо. Из окна вашей кельи виден тот же мостик, что виден из окна кельи № 5, где проживает простое Е. Господин Е утверждал, что в то утро на мостике не было настоятеля, хотя обычно он там стоит. Вы подтверждаете его показания?

— Ну, хорошо, один раз я, кажется, выглянул в окно. Но только для того, чтобы посмотреть, идёт ли снег. Да, подтверждаю: настоятель на мостике не стоял.

— Вот видите, уже совпадение в показаниях.

— Он там лежал.

— Что?

— Я могу ошибаться, как ни прискорбно в этом признаваться, но я ведь только мельком глянул в окно. К тому же моя келья расположена очень высоко, так что детали внизу видны плохо. Мне показалось, что на мостике кто-то лежит. Хотя пятьдесят на пятьдесят, что там лежал не кто-то, а что-то.

— Что-то?

— Какой-нибудь мусорный пакет или просто сугроб снега. Господин следователь, а если вы без всяких этих показаний просто напишете «Никакого усекновения не было, это просто результат массовой галлюцинации» или, например, «Настоятеля усекла кухарка Син-син, потому что возомнила себя его бывшей женой»?

— Не понял.

— Я спрашиваю: кто-нибудь будет проверять это ваше заключение по делу?

— Хватит! Подписывайте протокол.

Келья № 7

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в третий день вторых Близнецов.

— Мне сообщили, что настоятеля после усекновения обнаружила 7-ая монахиня. Это вы, госпожа Заин?

— Да, только это был не настоятель.

— А кто же?

— Его сожитель.

— Кто?

— Понимаете, господин следователь, у некоторых существ: почти у всех людей, у некоторых животных, иногда даже у растений, кроме обычной жизни, бывает ещё другая жизнь. Не здесь, а там. Она называется сожизнь.

— Я уже в курсе.

— А, ну тогда вы легко поймёте. Сожизнь она как бы на двоих: один здесь, другой там. Тот, кто там, называется сожитель того, кто здесь. Наверное, наоборот тоже.

— Как он выглядел, этот ваш сожитель?

— Не мой, как я могла своего видеть без усекновения?

— Ну, хорошо: как выглядел сожитель настоятеля?

— Да так же, как сам настоятель. Ничем не отличался.

— Как же вы тогда узнали, что это не настоятель, а его сожитель?

— А я не узнала, я почувствовала?

— Почувствовали? Чем? Зрением? Обонянием? На слух? Может быть, на ощупь? Или на вкус?

— Очень смешно! Что ж я, по-вашему, обнюхивала его? Или облизывала?

— Тогда как?

— Просто почувствовала и всё. Как все чувствуют.

— Я вот ничего такого не чувствую.

— Вы просто не догадываетесь. Все всегда чувствуют.

— А что вы, например, сейчас чувствуете?

— Ничего.

— Сами себе противоречите.

— Ну и что? Только я не противоречу. Я ещё ничего не чувствую, но уже предчувствую.

— Что предчувствуете?

— Что что-то будет. И когда будет, я это почувствую. Будущее чувство предчувствую.

— А что будет?

- Откуда же я знаю? Это же не чувство, а только предчувствие. Когда чувствуешь, чувствуешь что-то. А когда предчувствуешь, то только сам факт того, что что-то будет, а не само это что-то. Это же всем известно!
- Понятно.
- Ничего вам не понятно. Если бы было понятно, вы бы меня не спрашивали.
- Но вы же ответили, объяснили, и я понял.
- Так нельзя понять.
- Как «так»?
- Просто вот так: ответили, объяснили и понял.
- А как можно?
- Да с самого начала: либо понимаешь, либо нет.
- Странные у вас представления. По вашей логике, если я сейчас не понимаю, то уже никогда и не пойму?
- Да всё вы понимаете, только не признаётесь. И логика у меня самая обычная, нелинейная. С необычной логикой у меня ещё не всё получается.
- А есть и такая логика? Необычная?
- Мы же в мАнастыре, чувствуете?
- Да уж чувствую...
- А говорили, что не чувствуете!
- Ладно, оставим это. Скажите, госпожа Заин, что вы сделали, когда обнаружили... э... сожителя настоятеля?
- Ясно что – это же в уставе монастыря прописано. Гуляла в берёзовой роще, пока не надоело. Вы, господин следователь, читали наш устав?
- Ещё не успел. Там же у вас пятьсот страниц.
- 529.
- Тем более. А где вы обнаружили сожителя настоятеля?
- Там же и обнаружила, в берёзовой роще.
- А что, в уставе так и написано: «Обнаружив сожителя настоятеля, следует гулять по берёзовой роще, пока не надоест»?
- Какой вы смешной! Нет, конечно. Там написано: «Если что-то случится, 7-ая манахиня гуляет по берёзовой роще, а если ничего не случится – то по осиновой».
- Ладно. Что было потом?
- А что потом? Потом ничего не было.
- Что случилось с сожителем?
- Не знаю, наверное, ушёл куда-то.
- И вы не видели, куда он ушёл?
- Я же говорю: гуляла по берёзовой роще. Мне было не до него. Там травы много, и она всё время за оружие цеплялась.
- Какое оружие?

- Винтовка, арбалет, копье, два ножа африканских. Кажется, я ещё секиру брала, не помню точно.
- Это всё ваше оружие?
- А чьё же ещё?
- В монастыре можно ходить с оружием?
- Нет, конечно, я же не в монастыре ходила, а по берёзовой роще, я вам уже три раза сказала.
- Зачем вам оружие?
- Господин следователь, я же не спрашиваю, зачем вы брюки носите. Нравится и всё.
- Ну, это общепринято, чтобы мужчины брюки носили. Да и неприлично без них. А женщина с такой прорвой оружия, мягко говоря, необычна.
- А мне нравится.
- Ладно-ладно, нравится так нравится. Разрешение на оружие у вас есть?
- Так оно же игрушечное.
- Не понял.
- Ну, игрушки это. Детские. Для мальчиков.
- Но вы же девочка.
- Какая я вам девочка! Мне уже тридцать лет.
- Всё! Последний вопрос: что вы видели в то утро из окна своей кельи?
- Так берёзовую рощу и видела, там больше нечего видеть.
- А настоятеля... или сожителя настоятеля видели в берёзовой роще?
- Не видела. Я же говорю: там трава густая, ничего не увидишь, пока не наткнёшься.
- А когда наткнулись, что он делал? Лежал? Сидел? Стоял?
- Гимнастику делал. Китайскую. Настоятель её всегда делал, наверное, сожитель от него научился. Он так смешно старался: щёки покраснелись, волосы на лоб упали, а подбородок блестел от пота.
- Блестел от пота? Как вы это увидели через бороду?
- Какую бороду?
- Разве настоятель не носил бороды?
- Никогда не замечала.
- Ну, хорошо. Подпишите протокол и вы свободны.
- А про пенис и вагину вы меня ничего не будете спрашивать, господин следователь? Все манахины, с которыми вы беседовали, говорят, что вы очень интересуетесь этим вопросом.
- До свидания!

Келья № 17

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в четвёртый день вторых Близнецов.

— Заин – интуиционистка. Между нами, господин следователь, ей вообще не место в монастыре.

— Почему вы так считаете, госпожа Пэй Фа?

— Вы знаете, что такое интуиционизм?

— Ну, в связи расследованием этого дела мне приходится пополнять свои представления о математике. Насколько я понимаю, интуиционисты отрицают закон исключённого третьего. Разве это не то же самое, что логика с включённым третьем? Кажется, ваш настоятель называл это лукавой логикой?

— Ну, да, вы же беседовали с Син-син. Она так и осталась в том времени, когда настоятель по молодости ещё обращал на неё внимания. Никакого продвижения.

— Пойдите, госпожа Пэй Фа. Разъясните мне одну вещь. Сколько на самом деле лет вашему настоятелю? Син-син, да, кажется, и вы утверждаете, что он уже давно не молод, а по словам господина Самекси он моего возраста.

— Это он в сожизни вашего возраста, а здесь глубокий старик. Дело в том, что мужчины и женщины видят сожизнь с разных сторон. Например, в геральдическом описании написано «в левой части щита на лазоревом поле золотая корона с тремя лепестками». Вы смотрите налево, а там нет никакой короны и никаких лепестков. Это потому, что в геральдике левое и правое считаются не от зрителя, а от того, кто держит щит. Так и в сожизни, только здесь меняются местами не области пространства, а интервалы времени.

— Если сложить два и два, то получается, что господин Самекси видит меня сравнительно молодым, а вы, да и другие монахини, видят...

— Мы видим то же самое, господин следователь. У вас нет сожизни.

— Вот как! Но госпожа Заин утверждала, что сожизнь есть почти у всех людей.

— Вот именно – почти. Вы исключение.

— И как мне к этому относиться? Это хорошо или плохо?

— Господин следователь, не знаю, какое у вас сложилось мнение о других манахинях, но я не люблю разговоры про пенис и вагину. Давайте лучше вернёмся к интуиционизму.

— Но какое отношение... Впрочем, да, вернёмся.

— Первоначальной целью настоятеля, ради которой он и основал монастырь, было расширение математики. По крайней мере, предотвращение её сужения в борьбе с парадоксами. Закон исключённого третьего – одно из

направлений такого сужения, и тут я согласна с интуиционистами: мир не чёрно-белый, он не делится на истину и ложь. Но интуиционисты двурушники: одной рукой они расширяют, а другой сужают. Им, видите ли, нужно, чтобы доказательство было интуитивно убедительным. И они не признают ничего, что не помещается в мысленном взоре человека. Но ведь мир создал не человек.

— Да, об этом говорила госпожа Син-син. Что-то о математической теологии.

— Я ничего не имею против старушки Син-син, но, господин следователь, её представления безнадёжно устарели. Теперь всё наоборот: мы занимаемся не математической теологией, а теологической математикой, теоматикой.

— А в чём разница?

— Математическая теология была всегда. Взять хоть геометрическое доказательство существования Бога Спинозы. В XX веке Курт Гёдель доказывал это с помощью модальной логики. А в XXI веке, словно в насмешку, Анатолий Вассерман, наоборот, отрицает Бога, опираясь на теоремы того же Гёделя о неполноте.

— Это теоремы о том, что любая система сложнее арифметики либо не полна, либо противоречива?

— Грубо говоря, да. Если есть утверждение, которое средствами этой системы нельзя ни доказать, ни опровергнуть, то это неполнота. А если утверждение можно и доказать и опровергнуть, то это противоречивость.

— Но, как я понял, вы здесь, в монастыре, не против противоречий, извините за полукаламбур?

— Мы и к полноте не стремимся. Особенно манахины. Но дело не в этом. Математическая теология – это когда муравей описывает человека, который, проходя мимо, ткнул палкой в муравейник. Получится муравей, большой муравей, может быть, даже бесконечно большой, но всё равно муравей. А вот человек, описывая муравья, никогда в здравом уме не скажет, что это маленький человек.

— Но тогда ваша теоматика – это математика Бога, а не человека.

— Совершенно верно.

— Но вы-то люди, как же вы намерены создать такую науку?

— В этом и проблема.

— Ну, хорошо, в конце концов, это не моё дело. Вернёмся к усекновению настоятеля.

— Но мы никуда и не уходили, господин следователь.

— Что вы хотите сказать?

— Усекновение настоятеля – это корень нашей проблемы. Если хотите, её местная эманация.

— Это ещё почему?

— Да потому что у настоятеля была... нет, у него не было...

— Борода?

- При чём здесь борода?
- Госпожа Каппа и госпожа Син-син утверждают, что у настоятеля была борода, но госпожа Заин отрицает это.
- У него были только усы, но дело совсем в другом... нет, я не могу об этом говорить, я закрываю рот, господин следователь!
- Вы все недоговариваете! Вы знаете, госпожа Пэй Фа, что я могу привлечь вас к ответственности за сокрытие интересующей следствие информации?
- Не можете.
- Могу.
- Нет не можете, потому что у вас пенис, а у меня вагина!
- Вы же не любите об этом говорить.
- Вы меня вынудили, господин следователь.
- Мы ещё вернёмся к этому вопросу. А сейчас скажите: что вы видели из окна вашей кельи в то утро?
- Сарайчик, над которым возвышалось дерево, штакетник, ограничивающий палисадник и примыкающий к избушке с двумя окнами.
- С двумя окнами? Не с тремя?
- В чём вы меня обвиняете, господин следователь?
- Госпожа Хета видела избушку с тремя окнами.
- Извращенка!
- Многие из вас придают деталям пейзажа за окнами своих келий какой-то странный символический смысл. Может быть, вы поясните его, госпожа Пэй Фа?
- Ещё немного и я обвиню вас в сексуальном домогательстве, господин следователь! У меня найдутся свидетели.
- Н-да... Подписывайте протокол.

Келья № 4

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день вторых Близнецов.

- Господин Далет, я вынужден признаться, что расследование усекновения настоятеля продвигается крайне медленно. Причина в том, что вы все, и манахи и манахини, что-то скрываете от меня.
- Позвольте и мне быть откровенным, господин следователь. Вы ломитесь в открытую дверь.
- То есть?
- Приведу пример. Вот вчера вы беседовали с госпожой Пэй Фа. Она вышла от вас вся в слезах.
- Не могу понять, чем я мог её обидеть?

- В том-то и дело! Она тоже не понимает.
- И что мне с этим делать?
- Постарайтесь быть с ней поласковой.
- Поласковой?
- Ну, да. Погладьте по плечу, обнимите за талию.
- Она же чуть не обвинила меня в сексуальном домогательстве!
- Вы считаете, тут есть какое-то противоречие?
- Понятно: даже если оно и есть, это ничего не значит, так?
- Примерно.
- Так что насчёт сокрытия информации?
- Каждому из нас есть что скрывать, господин следователь. Такова природа человека.
- Меня не интересуют скелеты в ваших шкафах. Пока. Но мне важно знать всё, что имеет отношение к расследуемому мною делу.
- А что имеет отношение? Вот вы можете точно сформулировать: что имеет отношение к делу, а что нет?
- Точно это станет известно, когда дело будет закрыто.
- Вот видите.
- Ничего я не вижу! Если вы боитесь разглашения конфиденциальных сведений или компрометирующей информации, то мы можем заключить сделку. Это допускается процессуальным кодексом.
- Вы не поняли, господин следователь. Мы сами не знаем, что скрываем от вас.
- Но когда та же госпожа Пэй Фа начинает говорить, что у настоятеля то ли что-то было, то ли чего-то не было, причём это не борода, а потом заявляет, что не может продолжать, что она закрывает рот, то как это понимать?
- Именно так и понимать: она не может продолжать.
- Ну, да: не хочет о чём-то говорить.
- Не «не хочет», а «не может». Она не знает, о чём говорить.
- Но ведь она начала говорить.
- Начать не значит продолжить, тем более, закончить. Господин следователь, даже если у вас есть аксиомы, на каждом шаге вы можете выводить из них самые разнообразные утверждения. Это как ветвящееся дерево. Ну, не совсем дерево, потому что некоторые ветви могут обратно соединяться. Это потому, что одну и ту же теорему можно доказать несколькими способами. Но у вас почти всегда есть выбор: пойти налево, пойти направо. А как заранее узнать, какой из путей ведёт к цели? И есть ли такой путь? Ваши вопросы – это как цели, к которым мы должны придти логическим путём. Но мы двигаемся почти вслепую, и иногда оказываемся в тупике.
- Тогда-то вы и заявляете, что не можете продолжать говорить?
- Конечно. Только это самый простой случай.

- А какой сложный?
- Например, когда аксиом бесконечно много. Тут даже теоремы Гёделя не срабатывают. Но ещё хуже, когда нет аксиом.
- Не очень вас понимаю.
- Да я и сам не понимаю. Но каждый раз, когда вы какие-то утверждения принимаете на веру, то есть объявляете их аксиомами, возникает законный вопрос: а почему эти утверждения? Почему не те?
- Да вы конвенционалист, господин Далет, как я погляжу. Что воля, что неволя – всё одно.
- Тише, господин следователь. Пожалуйста, никому не говорите об этом. В нашем монастыре конвенционализм это ругательство.
- Понятное дело: хоть и математический, а всё-таки монастырь, так? А Бог не играет в кости, выбирая аксиомы мира.
- А есть ли они, аксиомы мира?
- Не знаю, насчёт всего мира, а в расследуемом мною деле есть одна аксиома: произошло усекновение настоятеля. Хотя господин Цади-сан и пытался утверждать обратное.
- Вот кто конвенционалист! Я это давно подозревал.
- Успокойтесь, господин Далет. Цади-сан обвиняет в конвенционализме не вас, а Бета Дома. Лучше скажите: что вы видели из окна своей кельи в то утро?
- Встречу.
- Кого? С кем?
- Настоятеля с неизвестной девушкой.
- Вот как? И о чём они говорили?
- Этого я не знаю, они были далеко.
- Тогда что они делали? Да говорите же! Что мне из вас по капле информацию выдавливать!?
- Да ничего не делали: встретились и разошлись. Девушка пошла налево, а настоятель направо.
- Вы сказали, что девушка вам неизвестна. Это не монахиня из вашего монастыря?
- Нет, всех манахинь я знаю. Она вообще была одета не как манахиня.
- А часто на территории монастыря оказываются посторонние люди, в том числе девушки?
- Да постоянно. Тут под окнами моей кельи дорога проходит, грунтовка. Машины по ней не ездят, потому что в объезд, хоть и дальше, зато асфальт хороший, быстрее получается. А люди всё время ходят.
- Так что же необычного было в той встрече?
- Ничего необычного не было. Настоятель часто по дороге прогуливался, а если кто-то навстречу шёл, то вот они и встречались.

- Так это была встреча или они просто друг навстречу другу шли и так мимо друг друга и прошли?
- А есть разница?
- Встреча – это когда люди заранее договариваются, поджидают друг друга, останавливаются, говорят о чём-то.
- А неожиданная встреча?
- Ну, хорошо. Значит, они даже не остановились, когда друг мимо друга проходили? Не посмотрели друг на друга?
- Посмотреть, может быть, и посмотрели, я не помню. Но люди же всегда друг на друга смотрят, когда мимо проходят. А вот останавливаться – не останавливались.
- Тогда почему вы называете это встречей?
- А что же это такое?
- Ладно, оставим это. Ответьте мне на главный вопрос: что вы знаете об убийстве настоятеля, кроме того, что я уже знаю.
- А что вы знаете, господин следователь?
- Бросьте! Монахи и монахини, с которыми я беседовал, наверняка уже рассказали вам об этих беседах в подробностях.
- Ну, хорошо. Только учтите, господин следователь, проверять будете сами.
- Что проверять?
- Моё голословное утверждение.
- Ну, это моя обязанность, как ведущего это расследование.
- Не уверен.
- В чём?
- Ну, что вам захочется проверять.
- Это не ваше дело. Так что вы хотели мне сообщить?
- Я не хотел, это вы хотели, чтобы я сообщил.
- Господин Далет!
- Дело в пенисе.
- В чём!?
- В пенисе. У настоятеля его не было.
- Его что – кастрировали?
- Этого я не знаю.
- А что вы знаете?
- Что у настоятеля не было пениса.
- Но почему? Как?
- Господин следователь! Что вы меня мучаете? Откуда я знаю, почему? Тем более, как? Вы хотите, чтобы я от вас тоже в слезах вышел?
- Распишитесь и проваливайте.

Келья № 14

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день третьих Близнецов.

— Я 23-я манахиня, мне 50 лет, моё полное имя Наунет, сокращённое Нун, ласково-уменьшительное Ню.

— И как лучше к вам обращаться?

— Это зависит от того, с чем вы обращаетесь, господин следователь.

— Это официальный допрос.

— Тогда «госпожа Нун».

— Госпожа Нун, вы подтверждаете показания господина Далета о том, что у настоятеля не было пениса?

— Я не заглядывала ему под рясу.

— Настоятель носил рясу? Я заметил, что в вашем монастыре принята свободная форма одежды. Господин Далет был в строгом костюме, госпожа Син-син – в халате, господин Самекси – в спортивной одежде, а госпожа Хета – и вовсе в миниюбке. На вас, госпожа Нун, как я погляжу, вечернее платье.

— Свобода только кажущаяся, господин следователь. На самом деле мы не вольны в выборе одежды. Устав монастыря предписывает одеваться в строгом соответствии с тем разделом математики, в котором специализируется монах или манахиня.

— Да? Я пока не уловил связи, нужно подумать. Ну, какое отношение миниюбка имеет к планиметрии?

— Самое прямое: отсутствие третьего измерения коррелируется с отсутствием ткани, прикрывающей ноги ниже бёдер.

— Вот как! А в какой области математики специализируетесь вы, госпожа Нун?

— В топологии.

— И?

— Топология изучает непрерывность. В отличие от геометрии, нас не интересует расстояние, и мы не различаем пространственные объекты, которые переходят друг в друга при непрерывных деформациях, без разрывов и склеивания.

— Например?

— Например, кубик и шарик. Но шарик нельзя без разрыва превратить в бублик, потому что в бублике есть сквозное отверстие. Зато бублик не отличается от кружки с ручкой. Если говорить об одежде, то юбка эквивалентна цифре 0, нарисованной жирной линией, а брюки – цифре 8, или знаку бесконечности. Зато женское платье плавно переходит в брюки с расстёгнутой шириной.

- Или в рясу... Ваше облегающее платье символизирует непрерывность? А что означает ряса настоятеля?
- Полагаю, то, что он настоятель.
- Я хотел спросить, в какой области математики он специализировался?
- Ни в какой. Настоятель осуществлял, так сказать, общее руководство. Топологически его ряса не отличается от моего платья. Но с точки зрения аналитической геометрии это совершенно разные вещи: мы отличаемся изгибами. Ряса – это, по сути, одежда без формы, скрывающая или уничтожающая формы. Если мы с вами наденем рясу, мы ничем не будем отличаться друг от друга, равно как и от настоятеля. А моё длинное узкое платье, как вы можете заметить, подчёркивает мои формы. Вам оно не пойдёт, господин следователь.
- Ну, хорошо, вернёмся к пенису настоятеля.
- Вы должны понимать, господин следователь, что пенис топологически ничтожен. Мужчину и женщину отличает не пенис.
- Вагина? Лишнее отверстие?
- Да, но только после дефлорации.
- Госпожа Нун...
- Зовите меня просто «Ню».
- Что изменилось?
- Господин следователь, мы говорим с вами об интимных вещах. Это не официальный допрос.
- И тем не менее. Вы не ответили на мой самый первый вопрос.
- Насчёт того, как ко мне обращаться?
- Нет! Я спрашивал про показания господина Далета.
- Это был второй вопрос. Разве я не ответила? Мне кажется, я дала ясно понять, что вопрос о пенисе нельзя ставить исключительно в связи с настоятелем. Вы заглядывали под миниюбку госпожи Хеты?
- Вы хотите сказать...
- Ах, нет. Это к примеру. Но согласитесь, вы не можете быть уверены в половой принадлежности манаха или манахини до тех пор, пока не вступили с ним или с ней в сексуальную связь. Или, по крайней мере, пока они не разделись догола. Хотя внешний осмотр может и не дать однозначного ответа. Бывают, знаете ли, случаи...
- Госпожа Нун!
- Чем вы так озабочены, господин следователь? Ну, хорошо, спрашивайте меня про вид из окна моей кельи.
- Рассказывайте.
- В детстве меня звали рыбкой и змейкой, потому что я была в постоянном движении, но таком плавном и неуловимом, как будто у меня костей не было. Да и позже во мне не было никакой подростковой угловатости. Зато я чувствовала углы, швы и складки в любой одежде, которую надевала.

Поэтому я её сбрасывала. В конце концов, это становилось неприлично. Когда родители совсем со мной замучились, они отдали меня в католический монастырь, чтобы я извивалась не в голом виде, а внутри рясы – там это не так заметно. Я сбежала оттуда, как только научилась носить платья. А теперь я могу надевать узкие и облегающие платья. Я даже нахожу в этом особое удовольствие.

— Госпожа Нун, какое отношение это имеет к виду из окна вашей кельи?

— Нун так Нун... Самое прямое отношение. В то утро, как и всегда, я видела плавное течение реки: сначаладвигающейся среди лугов, а потом скрывающейся в густых прибрежных деревьях, таких округлых, что они похожи на топологические шары.

— И?

— Что и? Ну, господин следователь, если вы не видите связи...

— Не вижу.

— Я могу показать это в танце, чтобы было нагляднее.

— Не надо танцев. Распишитесь вот тут.

— Вы так и не спросили, господин следователь, что у меня под платьем.

— Меня это не интересует. Хотя я догадываюсь, что там ничего нет.

— Как ничего? А я?

— До свидания.

Келья № 6

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день третьих Близнецов.

— Это же метафора, господин следователь. Нужно быть Далетом, чтобы каждого манаха, который не спит с манахинями, подозревать в отсутствии пениса. Это у него только вид приличный, а так этот Далет – ого-го!

— Насколько я понимаю, господин Вав, устав монастыря не запрещает сексуальные контакты?

— Но и не поощряет. Кроме того, мы не знаем, были ли у настоятеля контакты на стороне, за пределами монастыря.

— Он часто отлучался?

— Не часто, но бывало. Наверное, это связано с его должностью: всякие там закупки, счета, налоги, декларации, отчёты... В общем, бухгалтерия и бюрократия.

— Понятно. А в какой области математики вы специализируетесь, господин Вав?

— В компьютерной.

— Это значит...

- Это значит, что всё, что не помещается в компьютер, не существует.
- Например?
- Да все эти бесконечности, непрерывности, я уж не говорю о парадоксах. В компьютере парадоксов нет, есть только ошибки.
- Довольно радикальная точка зрения. А это не противоречит цели монастыря? Вы ведь сужаете математику похлеще интуиционистов, да и Канторова теория множеств в компьютер не помещается.
- Понахватались, господин следователь? Да не слушайте вы их: они же замшелые классики. На самом деле компьютер расширяет математику, только по-новому, не по классическим направлениям.
- Например?
- Вот скажите, как по-вашему, математика – точная наука?
- Всегда считал, что точная. Её даже царицей наук называют за точность.
- И очень плохо.
- Что плохо?
- Да всё плохо. Вот вы знаете, зачем нужно число пи?
- Ну, для вычисления длины окружности или площади круга, потом тригонометрия...
- Прекрасно. А чему равно пи?
- Ну, три, запятая, один, потом четыре, потом уже не помню.
- И не упомните, потому число пи иррационально, даже трансцендентно. Этих цифр после запятой в нём бесконечно много и они циклически не повторяются. Как же вы собираетесь считать площадь круга?
- Понимаю: на практике это делается приближённо.
- На любой практике! Так зачем вам нужна бесконечная точность? Это я простой пример привёл. Но подумайте, а как работает человеческий мозг? В конце концов, математику придумал человек. Но только его мозг ни с какими бесконечностями не работает. Он работает приближённо, все его вычисления неточные. И что? Разве плохой результат? Но очевидно это стало, только когда появились компьютеры. С одной стороны, они позволяют делать такие вычисления, на которые человеку с ручкой и бумагой потребовались бы годы и века. А с другой стороны, компьютер не понимает бесконечности, и везде, где есть бесконечность, он вычисляет неточно, приближённо. Но для этого нужно уметь делать такие вычисления, нужна особая математика. И математика уже сейчас становится наукой о неточных вычислениях, приближительных рассуждениях, конечных моделях бесконечных процессов, учится решать некорректные задачи и опирается на неклассические, нечёткие логики. Я скажу больше: математика учится ошибаться. Но так, чтобы это было незаметно.
- Что вы имеете в виду?
- Вы слышали про Чайник Рассела, господин следователь?
- Ну...

— А про Невидимого Розового Единорога? Или Летающего Макаронного Монстра? Это всё примеры утверждений, которые нельзя опровергнуть. Фарфоровый чайник летает вокруг Солнца по эллиптической орбите между Землёй и Марсом. Только он очень маленький и его нельзя обнаружить даже в самые мощные телескопы. Невидимые Розовые Единороги обладают огромной духовной силой, только они абсолютно невидимы. Летающий Макаронный Монстр тоже невидимый и неосязаемый, зато он создал Вселенную, начав с горы, деревьев и какого-то карлика.

— Не понимаю, как это связано...

— Да напрямую! Если я пропишу в аксиомах утверждение о фарфоровом чайнике, потому что мне так удобнее делать компьютерные вычисления, то никто этого не заметит. Важен результат, а победителя не судят. С точки зрения современной науки моя теория ошибочна, потому что основана на неверных посылах: ведь никакого чайника нет. Хотя это и не доказуемо. А на практике? Ну и что, что ошибочна? Зато результаты даёт верные. Ну, по крайней мере, до поры до времени. А там – или падишах, или осёл, сами знаете.

— Скажите, господин Вав, эта ваша мятая футболка с непонятной надписью, старые шорты с кучей карманов и разбитые кроссовки, – это что, обязательно для компьютерной математики?

— Это вам Нью наплела про форму одежды?

— Госпожа Нун ссылалась на устав монастыря, где сказано, что форма одежды должна строго соответствовать области математики, в которой вы специализируетесь.

— Типичный пример замшелого классического мышления. Наш настоятель не был дураком, когда составлял устав монастыря. Там сказано «строгое соответствие», но не сказано какое! Каждый выбирает по своему вкусу.

— И всё же я хочу понять: вы действительно думаете, что мозг человека работает как компьютер? А как же «китайская комната»?

— Китайская?

— Это такой мысленный эксперимент, его придумал Джон Сёрль. Человека, не знающего китайского языка, запирают в комнате, заполненной табличками с иероглифами, и дают руководство по синтаксису языка. Потом ему передают бумажки с вопросами на китайском, а он, руководствуясь правилами, составляет из иероглифов ответы и передаёт обратно. Если руководство точное и полное, никто снаружи не отличит этого человека от грамотного китайца. Но ведь, действуя таким образом, этот человек ничего не понимает: ни смысла вопросов, ни смысла своих ответов.

— А зачем смысл, если ответы правильные? Я же про это и говорил. Вот если бы он ошибался...

— Кстати, человеку как раз свойственно ошибаться.

— Вот тут вы попали в точку. Ведь всё начиналось с того, чтобы писать программы для компьютеров без ошибок. Потом – чтобы эти ошибки быстро находить и исправлять, поскольку оказалось, что в программах всё равно остаются ошибки. А знаете, какой сегодня девиз у программистов? «Это не ошибка, это фича»! В вашем руководстве по синтаксису наверняка полно ошибок, не нужно даже специально их делать.

— Допустим. Но вот, господин Вав, вы сами сказали: «В конце концов, математику придумал человек». А разве программа вашего монастыря не предусматривает движение дальше – к математике, которую придумал Бог?

— А я атеист.

— Не понял?

— А чего непонятного: не верю я ни в каких богов.

— А как же монастырь?

— Это не моя проблема. В уставе про бога ничего не сказано. Да и вообще это не важно. Ведь если человек может создать божественную математику, то она же будет и человеческой, раз её человек создал. А тогда нет никакой отдельной божественной математики, которую мы могли бы создать.

— Противоречие? Ну и что?

— Тут вы меня поймали на крючок, господин следователь.

— И?

— И всё. Вы меня поймали, а мне по барабану. Противоречие? Ну и что?

— Господин Вав, окно вашей кельи выходит на террасу.

— Ага, терраса над рекой, очень красивый вид. Вы спрашиваете, что я видел в то утро? Ну, видел, как настоятель играет в 126-клеточные шахматы с каким-то мужчиной.

— Манахом?

— Нет, пришлым. Они поиграли и разошлись.

— А что это за игра такая, 126-клеточные шахматы?

— Шахматы как шахматы, только поле не 8 на 8, а 21 на 6. Да, ещё все фигуры невидимы.

— Невидимы?

— Точно не знаю, я не играю в эту игру, то ли невидимы, то ли их вообще нет.

— Как же играть в шахматы без фигур?

— Ну, они молча играли.

— А кстати, вы не заметили, у настоятеля была борода? Или, может быть, усы?

— Нет, не заметил, он стоял спиной ко мне.

— Но это же не единственный раз, когда вы видели настоятеля?

— Ну, было по-разному, он то отращивал бороду, то сбрасывал её. А ещё он использовал накладные усы. Ну, для солидности что ли, когда приезжали именитые гости.

— Хорошо, на сегодня достаточно. Подпишите протокол, господин Вав.

— Кстати, господин следователь, а откуда вы знаете про «китайскую комнату» Сёрля?

— Да так, почитал кое-что.

Келья № 12

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля во второй день третьих Близнецов.

— Господин Ламед, я хочу начать с вопроса, которым обычно заканчиваю допрос: что вы видели из окна своей кельи в то утро?

— Вы имеете в виду, что я видел, кроме прекрасной колоннады, украшающей главный вход в монастырь? Я видел настоятеля, который вышел на край платформы и стоял там некоторое время, пока не прозвучал сигнал к утренней трапезе.

— Он был один?

— Да.

— Что он делал, кроме того, что стоял на краю платформы?

— Он смотрел в сторону ближайшей рощи, как будто кого-то ждал или, наоборот, с кем-то прощался, кто уходил и уже не был виден из моего окна.

— Настоятель и раньше так делал?

— Никогда. Видите ли, главный вход в монастырь почти всегда закрыт. Там даже нет подъездной дороги или хотя бы тропы. Мы пользуемся боковыми выходами или задним, ведущим во внутренний двор монастыря. А главный вход... ну, это просто украшение. Наверное, когда-то, когда монастырское здание было владением местного сеньора, всё было иначе. Балы, приёмы, именитые гости...

— Настоятель был в рясе?

— Как обычно.

— Вы ничего не хотите добавить, господин Ламед?

— Вы знаете, при всём моём уважении к настоятелю, он был лишним в этом пейзаже.

— Что это значит?

— Он нарушал основные пропорции, без него было бы изящнее.

— Это всё?

— Ещё я видел солнце, поднявшееся над краем леса и складки облаков над ним. Солнце было неярким, расплывчатым и белым, как будто стоял густой туман. Но тумана не было, наверное, это был нижний слой облаков – без определённой формы и с равномерной плотностью.

— Это тоже необычно?

— Нет, просто красиво.

- Скажите, господин Ламед, какова ваша математическая специализация в монастыре?
- Я не занимаюсь математикой.
- Вот как? А я думал, что раз монастырь математический, то все здесь занимаются математикой.
- Почти все. Но кто-то же должен и о душе подумать.
- Значит, вы...
- Да, я отвечаю за отправление ритуалов нашей религии и помогаю другим монахам и монахиням укрепиться в вере.
- Но господин Вав заявил, что он атеист.
- Наша религия не отвергает атеизм.
- Да что вы говорите? Это любопытно. Вы не просветите меня? Каков ваш символ веры?
- У нас его нет. Дело в том, что мы не признаём аподиктических, то есть неопровержимых, суждений без доказательства. Но, согласитесь, было бы странным составлять символ веры из гипотетических суждений или простых констатаций фактов. Ещё нелепее было бы включать в символ веры математические выкладки. К тому же они всё равно основаны либо на аксиомах, либо на бездоказательной «непосредственной очевидности».
- Да, но во что вы верите?
- Да, строго говоря, ни во что.
- И это религия? Что же вас всех объединяет?
- Математика. Но в неё ведь не верят, господин следователь. Это наука, в которой ничего не принимается на веру. У нас нет ничего такого, во что бы верил каждый монах и каждая монахиня. У каждого – своя вера. И моя задача – укрепить каждого в его вере и привнести покой в его душу.
- Значит, если господин Вав атеист, то...
- То он и в самом деле верит в Бога, раз так озабочен его отрицанием. Только он называет его Фарфоровым Чайником, потому что разум, в том числе божественный, господин Вав сводит к компьютерной программе.
- Даже так? А остальные?
- Госпожа Заин верит в Маленькую Девочку. Господин Далет – в Единственную и Непознаваемую Аксиому. Госпожа Нун – в тождество мужчины и женщины. Госпожа Пэй Фа – в Большого Муравья. Господин Самекси – в детерминизм, поглощающий вероятность. Госпожа Син-син... ну, это трудный случай. Господин Цади-сан верит в Универсального Настоятеля. Госпожа Каппа – в Абсолютное Безветрие. Госпожа Хета – в то, что рай находится в четвёртом измерении. Господин Бета Дом – в необратимость времени. Господин простое Е – в Управление Погодой.
- Гм... Вы хотите сказать, что каждый верит в то, что на словах отрицает?
- А разве бывает иначе, господин следователь? Ведь речь идёт об истинной вере, а не о принадлежности к той или иной конфессии.

- А вы уверены, что это религия, а не разновидность психоанализа?
- Не уверен.
- И?
- Господин следовательно, я практикующий монах, а не теоретизирующий теолог. Мой инструмент – палка для погонщика быков, а не мудрёные богословские трактаты.
- Почему вы сказали, что госпожа Син-син трудный случай?
- Потому что она верит в то, что была женой настоятеля.
- А это не так?
- Не важно, так это или нет. Важно, что за этой верой она скрывает свою истинную веру, и я никак не могу докопаться...
- Она действительно кухарка?
- В монастыре нет кухарки, еду нам поставляют из ближайшего трактира.
- Но господин Самекси утверждает...
- Ах, это всё после того случая...
- Какого случая?
- Госпожа Син-син праздновала свой день рождения, какой-то юбилей, хотя она и скрывает свой возраст. Она самолично приготовила кучу всяких китайских кушаний и была очень горда этим. А господин Самекси выпил лишнего... честно говоря, просто напился до положения риз, даже буянил. Потом ему было очень плохо, да ещё и стыдно. Поэтому он пытался всех уверить, что это из-за китайских блюд госпожи Син-син.
- Гм... А во что верил настоятель?
- В пенис и вагину.
- Не понял?
- Он верил, что пенис и вагина – единственная реальность, данная нам в ощущениях. Всё остальное – только математика.
- И в чём это проявлялось?
- Господин следовательно, вы знаете, что такое тайна исповеди?
- Понимаю.
- Думаю, не совсем понимаете. Это я пытался аналогию провести. У нас нет тайны исповеди, так же как нет самой исповеди. Я могу вам пересказывать все слова, которые мне говорили монахи и монахини этого монастыря, выдавать все тайны, которые они мне доверили в этих разговорах.
- Так в чём же дело?
- Но я не могу ничего говорить об их делах и поступках. Понимаете, для нас слова – это математика. А в математике не может быть запретных тем и конфиденциальных сведений. Другое дело – пенис и вагина.
- Ладно, оставим это. Но мне стало интересно: а во что же верите вы, господин Ламед?
- В Пятую Колонну.
- Во что?

— В Пятую Колонну. Понимаете, из окна моей кельи видны только четыре колонны портика, но я верю, что существует и пятая.

— А вам не приходило в голову просто пойти и посмотреть, есть пятая колонна или их всего четыре?

— И что это даст? Если я увижу Пятую Колонну, это ничего не прибавит к моей вере. А если не увижу, то смогу объяснить это самыми разными причинами: солнце слепило глаза, или туман поднимался с земли, или колонна стала невидимой под действием неизученных наукой лучей, или нейроны моего головного мозга сложились в такую конфигурацию, которая блокирует наблюдение Пятой Колонны... Но не это главное?

— Да?

— Главное то, что никакой пятой колонны на самом деле нет. Я могу это доказать. Доказать строго при всей скромности моих математических знаний и способностей.

— И как же вам эта вера помогает...

— Помогает в жизни? О, как только я поверил в пятую колонну, я сразу почувствовал необыкновенную лёгкость! У меня даже пропал страх перед математикой.

— Н-да... Прошу вас, господин Ламед, поставить свою подпись под протоколом.

Келья № 9

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной тройки.

— Госпожа Тета-тет, во что вы верите?

— Простите?

— Я беседовал вчера с господином Ламедом, и он рассказал мне о вере тех манахов и манахинь, которых я уже допрашивал. Также он уверил меня, что здесь нет никакой тайны или конфиденциальности.

— Ну, это очень личный вопрос.

— Я не могу сейчас сказать, пригодится ли это для следствия или нет. Поэтому, если не хотите, не говорите.

— Почему же, хочу. Я даже настаиваю, чтобы вы занесли это в протокол, господин следователь.

— Я вас слушаю.

— Дело в том, что пятна на Солнце складываются в крест. Получается колесо со спицами.

— Это действительно так?

— Конечно, нет. Но я в это верю.

- А зачем? Простите за нескромный вопрос.
- Понимаете, если Солнце – всего лишь жёлтый карлик, это скучно. А если это колесо, тут есть о чём помечтать.
- Например?
- Ну как же! О колеснице Солнца. О том, кто на ней едет. К кому едет. С какими подарками...
- Госпожа Тета-тет, ваша одежда как-то связана с вашей математической специализацией?
- Что вы имеете в виду?
- Судя по вашим чулкам-сеткам, вам не чужда теория решёток. Но покрой вашей юбки наводит на мысли о геометрии: либо дифференциальной геометрии, либо...
- Комплексном анализе. Знаете, господин следователь, есть такие функции... О, я могла бы многое рассказать вам о них, они совершенно эллиптические. Но чтобы это продемонстрировать, мне придётся снять юбку.
- Госпожа Тета-тет!
- Да я шучу, господин следователь. Здесь, в монастыре, иногда бывает так скучно! Все заняты только своими исследованиями, и не с кем поделиться возникшими мыслями и выкладками. Ну, не с Хетой же делиться: она, хоть и моего возраста, но до смерти боится третьего измерения. Госпожа Син-син слишком стара, Каппа одержима, Пэй Фа ограничена, Заин чокнутая, а наша вечнотекучая Нью слепа как крот – в математическом смысле, конечно.
- А монахи?
- Их интересует только одно.
- Пенис и вагина?
- Да вы что! Они боятся этого как огня. Даже господин Вав – надо же, ещё такой молодой, а туда же.
- Куда?
- В математическую беспредельность и вседозволенность. Влюбились в парадоксы...
- А настоятель?
- Так ведь он...
- Что он?
- У него...
- Не было пениса? Для меня это уже не новость.
- Уф! Так вы уже знаете?
- Об этом мне говорил господин Далет. Правда господин Вав и госпожа Нун не подтвердили эти показания, но и не опровергли их.
- Она была довольно привлекательной...
- О ком вы говорите?
- О настоятеле, конечно. Ведь он был женщиной.
- Какой женщиной?

- Я же сказала: довольно привлекательной.
- Он что: сменил пол?
- А говорили, что всё знаете, господин следователь. Вы меня обманули.
- Так... Потому он и носил рясу... или она... И кто ещё знал, что настоятель — женщина.
- Да все знали.
- Тут я не пойму: или вы меня обманываете, или все остальные врут.
- Какой вы подозрительный, господин следователь. Вы же сами сказали, что Вав и Нун не опровергли слова Далета. А другие...
- А другие говорили так, будто настоятель — мужчина.
- Прямо так и говорили?
- Ну, они так спрягали глаголы: «был», «стоял», «делал». И потом, они всё время говорили «он», а не «она».
- Так это потому, что слово «настоятель» мужского рода.
- Вот именно.
- Слово, а не сам настоятель, господин следователь.
- Мне надо подумать, и заново перечитать все показания. Под этим новым углом зрения. Но почему они сразу не сказали?
- А вы не спрашивали.
- Ну, они могли бы говорить «настоятельница», а не «настоятель».
- Вы что, поклонник гендерной математики, господин следователь? Вот уж не ожидала.
- А госпожа Нун намекала, что не только настоятель может оказаться не того пола...
- Вы всё-таки хотите, чтобы я сняла юбку?
- Пока нет.
- Что-то вы загрустили, господин следователь. Может быть, мне рассказать про вид из окна моей кельи?
- Да, самое время.
- Значит, так. На главном входе нашего монастыря есть портик с колоннами.
- Господин Ламед мне уже рассказывал.
- Но он, наверное, не говорил, что это новый портик. Когда-то был другой, расположенный метров на пятьдесят дальше. Потом главное здание зачём-то передвинули, а на старом месте остались две колонны. Из кельи Ламеда их не увидишь, они скрыты за рощицей. А моя келья находится в самом конце флигеля, и окно выходит как раз на эти колонны.
- И что же в них замечательного?
- Но, господин следователь, они же направлены прямо в небо. И они такие фаллические!
- Послушайте, а может быть, у вас тут вовсе не монастырь, а что-то совсем другое?
- Конечно, другое. У нас — *математический* монастырь.

- Ну, хорошо, и что с этими колоннами?
- Если бы вы, господин следователь, знали, что такое гамма-функция...
- Я знаю, что такое гамма-функция.
- О! Тогда вы знаете, что в своих полюсах...
- В своих полюсах она напоминает вам эти колонны?
- Скорее наоборот, колонны напоминают мне гамма-функцию.
- И?
- Только представьте: если ночью, когда все мужчины спят в своих постелях, лёжа на спине, гамма-функция начнёт самореализацию...
- Что это значит?
- Что у них у всех одновременно начнётся эрекция!
- Ладно, госпожа Тета-тет, допрос окончен. Подпишите свои показания.

Келья № 19

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в четвёртый день третьих Близнецов.

- Моё имя Коппа. И, пожалуйста, господин следователь, не путайте меня с этой Каппой. Она пишется через «а», а я – через «о». Она 11-ая манахиня, а я – 19-ая.
- Скажите, госпожа КОппа, настоятельница – женщина?
- Ага, вы уже вышли на этот уровень!
- Уровень чего?
- Игры, конечно.
- Вы хотите сказать, что все здесь играют со мной в какую-то игру?
- Почему только с вами? Вся наша жизнь, а, впрочем, и смерть тоже – это игра. Ничего личного и ничего реального.
- Понятно: вы специализируетесь по теории игр, правильно?
- А разве это не видно по моей одежде?
- Юбка в клетку – это, наверное, шахматы или шашки. А блузка в полоску...
- Дилемма заключённого.
- ?
- Это одна из фундаментальных проблем в теории игр: игроки не всегда сотрудничают друг с другом, даже если это в их интересах. Игру придумали Мерил Флад и Мелвин Дрешер, а название ей дал математик Альберт Такер. Арестованы двое преступников. Есть основания полагать, что они действовали по сговору, и полиция, изолировав их друг от друга, предлагает им одну и ту же сделку: если один свидетельствует против другого, а тот хранит молчание, то первый освобождается за помощь следствию, а второй получает максимальный срок лишения свободы – 10 лет. Если оба молчат, их

деяние проходит по более лёгкой статье, и они приговариваются к 6 месяцам. Если оба свидетельствуют друг против друга, они получают минимальный срок – по 2 года. Что произойдёт?

— Ну, на месте преступника я бы рассуждал так: если партнёр молчит, то лучше его предать и выйти на свободу, потому что иначе – полгода тюрьмы. Если партнёр даёт показания, то лучше тоже свидетельствовать против него, чтобы получить 2 года, иначе – 10 лет.

— Ага, так рассуждает и другой преступник, и в результате оба получают по 2 года. А вот если бы оба молчали, получили бы только по полгода.

— Но вы же не изолированы друг от друга. Я беседую с каждым по отдельности, но потом-то вы наверняка обсуждаете между собой эти беседы?

— Мы не преступники! Разве мы играем в эту игру, господин следователь?

— А в какую игру вы играете?

— Не только мы, вы тоже, господин следователь. Но вот в чём проблема: никто не знает, что это за игра. И я могу доказать, что никто не может знать.

— Докажите.

— Вот смотрите: каждая игра происходит по каким-то правилам, разные игры отличаются друг от друга этими правилами. Но правила регламентируют поведение обоих игроков, не может быть так, что один играет по правилам игры, а другой их нарушает, ведь тогда это была бы уже другая игра, с другими правилами.

— Пока всё логично.

— И дальше так будет. Допустим, вы знаете, что мы играем в игру X. Тогда я начинаю играть по правилам игры Y, которые отличаются от правил игры X, по крайней мере, с моей стороны. Следовательно, мы уже не играем в игру X, и ваше знание ошибочно. Иными словами, на самом деле, вы не знаете, в какую игру мы играем.

— Тут у вас логический просчёт. Откуда вы знаете, что я знаю, что мы играем в игру X? Я вам этого не говорил. А тогда как вы можете быть уверенными, что ваша игра Y чем-то отличается от X?

— А мне и не нужно знать, достаточно играть то по правилам игры Y, то по правилам отличной от неё игры Z. Если одна из них совпадает с X, то другая – нет. В результате мы всё равно не играем в игру X.

— Но разве такое чередование правил это не новая игра? Почему бы её не назвать игрой X, точнее, той игрой, о которой я знаю.

— Тогда индуктивно повторяем наше рассуждение.

— Тут чувствуется бесконечность...

— Бесконечность забавная штука, господин следователь. Вы слышали о парадоксе обезьяны?

— Которая печатает на машинке? Если она это делает бесконечно долго, то рано или поздно напечатает «Гамлет» Шекспира.

— Да, а ещё она может выиграть любую сумму денег, играя в любую игру. Проблема в том, что правила казино не позволяют её на этом остановиться и уйти с карманами полными хрустящих купюр.

— Знаете, госпожа Коппа, нам тоже пора остановиться. Мне кажется, вы уводите разговор в сторону, и готовы это делать до бесконечности. Я ведь всего лишь спросил: действительно мужчина или женщина?

— А вам, господин следователь, не приходила мысль о чередовании?

— Не понял?

— Ну, это как отрастить бороду, а потом её сбрить. Но до конца я и сама не понимаю. Будь я Заин, я бы сказала, что у меня предчувствие.

— Но вы не Заин.

— Да, поэтому я говорю: это игра. Но какая, пока не понимаю, я ведь знаю только те правила, по которым играю сама.

— Ладно, тогда последний вопрос: что вы видели из окна вашей кельи в то утро?

— Из моего окна, господин следователь, открывается ужасный вид. Я каждый раз вздрагиваю, когда его вижу.

— Там, кажется, какие-то скалы.

— Это не просто скалы, господин следователь, это настоящие менгиры. Очень высокие. И над ними всегда клубятся низкие тёмные облака. И трава у их подножия растёт плохо.

— И что в этом ужасного?

— Они напоминают Совершенных Игроков.

— Это ещё что такое?

— Кошмар всех игр. Игроки, которые просчитывают все варианты стратегии и потому не могут сделать первый ход. Они только думают и думают, до бесконечности. Так и застывают в неподвижности, игра даже не начинается.

— Гм... А фаллических ассоциаций они у вас не вызывают?

— Господин следователь, когда вы видите иголку с ниткой, у вас не возникает желания засунуть в угольное ушко не нитку, а свой пенис?

— Что-что?

— Где тут у вас протокол подписывается?

Келья № 3

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день третьих Близнецов.

— Вот уж не знал, что у Коппы верблюд ассоциируется с пенисом. Эх, молодость...

— Господин Гимельджим, вернёмся лучше к виду из окна вашей кельи.

- Ну что вид? Там башня торчит, точнее, две примыкающие друг к другу башни. В каждой по три окна, вход внизу правой башни, и в неё же встроены часы над верхним этажом, так что я всегда знаю точное время.
- И?
- И?
- И какие у вас с этим связаны ассоциации?
- Вы психоаналитик, господин следователь? Башни как башни, часы как часы.
- А три окна? Госпожа Хета видела избушку с тремя окнами и очень этого испугалась. А госпожа Пэй Фа считает это извращением.
- Так это окна по горизонтали, а в моих башнях – по вертикали.
- Это имеет значение?
- По горизонтали имеет, хоть и не для моего возраста, а по вертикали – нет.
- Почему?
- Я не знаю, так заведено.
- А настоятель?
- Что настоятель?
- Мужчина или женщина?
- Смотря который.
- У вас их несколько?
- Не одновременно, конечно. Сначала монастырь был чисто мужской, и первым настоятелем был, конечно, мужчина. Только он покинул монастырь.
- Почему покинул?
- Трудно сказать. Может быть, веру потерял. Он, знаете ли, верил в натуральные числа, представлял себе их маленькими жучками с крылышками, которые всё время вьются, вьются вокруг лампы.
- А что было лампой?
- Он не объяснял, наверное, сам не знал. Но без лампы никак не мог их представить. А потом представил. Ну, веру и потерял. Я помню, его очень расстроило, когда Эндрю Уайлс получил премию Шао за доказательство Великой теоремы Ферма. Настоятель даже воскликнул: «О! Небо хочет моей гибели! Небо хочет моей гибели!»... Или он это воскликнул, когда обнаружилась недостача монастырских денег? Уже не помню.
- А что это за история с деньгами?
- Внутренняя финансовая проверка обнаружила пропажу ста тысяч долларов. Потом, правда, пересчитали, и всё сошлось, но настоятель уже покинул монастырь в спешном порядке.
- А второй настоятель?
- Так это нынешний и есть. Мы тогда конкурс объявили на замещение вакантной должности. Конкурс был анонимный, по интернету. Победил некий Алеф, а когда он прибыл в монастырь, оказалось, что это женщина по

имени Альфа. Ну, не менять же решение, это было бы неприлично. Да никто и не возражал против женщины. А потом уже и другие манахины пришли.

— Да, теперь многое становится на свои места. Господин Гимельджим, я хотел бы выразить вам благодарность за помощь следствию. Вы так спокойно и ясно рассказываете обо всём, ничего не скрывая.

— А зачем скрывать? У нас тут никаких тайн нет.

— Ну да. Только другие свидетели были не так откровенны и, честно говоря, мне показалось, что они хотят запутать следствие, пустить меня по ложному следу.

— Это они зря. Может быть, испугались вас, господин следователь?

— Что же, я такой страшный?

— Не страшный, а... неизвестный. Люди ведь больше всего боятся неизвестности. Это потому, что неизвестно, что за ней скрывается, за неизвестностью, а вдруг что-то и правда страшное, понимаете?

— Понимаю, но вы-то меня не боитесь.

— Эх, господин следователь, господин следователь... Я ведь уже старик — сами видите. Меня уже ничего не пугает, да и не удивляет, честно говоря. А когда-то я был о-го-го! Меня даже прозвали «абсолютным делителем нуля» за то, что я всё обращал в нуль, в шутку, в нонсенс.

— А, кстати, чем вы занимаетесь в монастыре? Я имею в виду вашу математическую специализацию. Но это я так, из любопытства спрашиваю.

— Ну да, ну да. По одежде-то, небось, не можете определить?

— Честно говоря, не могу.

— Так делителями нуля и занимаюсь, в коммутативных алгебрах. Говорят, это для алгебраической геометрии полезно. А за модой не слежу, господин следователь. Да и зачем? Вот к чему привык, то и донашиваю.

— Я тут беседовал с господином Ламедом...

— Да, ему бы художником быть, а не манахом. Красоту тонко чувствует, пропорции всякие... А верую я, вы уж простите, господин следователь, по старинке, как в детстве научили: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — раб и посланник Его. Ведь Аллах, господин следователь, в некотором роде тоже абсолютный делитель нуля.

— Гм... Спасибо, господин Гимельджим за беседу. Соболаговолите расписаться в протоколе.

Келья № 10

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день четвёртых Близнецов.

— Следствием установлено, что настоятелем была женщина по имени Альфа. Но что означает усекновение настоятеля, госпожа Йа?

— Провёл-таки вас Гимельджим, старый хитрец.

— Простите?

— Об усекновении вы могли бы спросить у Гимельджима, но он ведь ловко увёл разговор в сторону, не так ли?

— Господин Гимельджим был весьма откровенен. Я просто забыл задать ему этот вопрос.

— Ну, конечно.

— А теперь спрашиваю вас.

— Вам нужен короткий ответ или развёрнутый?

— Начнём с короткого.

— Настоятель была беременна.

— Беременна? От кого?

— Этого я не знаю.

— И теперь...

— Теперь, я думаю, она уже родила. Поэтому в монастырь вернуться не сможет.

— Так... А развёрнутый ответ?

— ...

— Госпожа Йа?

— Не торопите меня, господин следователь.

— Что вы там пишете? Дайте посмотреть... Ничего не понимаю.

— Видите букву «У», господин следователь? Это оператор усекновения.

— А «Н» значит настоятель?

— Совершенно верно.

— Но это какие-то математические выкладки.

— Я пытаюсь строго сформулировать проблему усекновения.

— А не могли бы вы сформулировать её словами? Для протокола.

— Тогда это будет не строго.

— Пусть будет не строго, лишь бы понятно.

— Ну, хорошо. Проблема усекновения в том, что мы не знаем, что это такое. Это если суммировать. Понимаете, существует много частных случаев, когда усекновение в принципе понятно и проверяемо. Иногда это сделать легко, иногда это трудная задача, трудная, но разрешимая. Общая проблема усекновения – это, собственно говоря, сумма всех этих частных случаев.

- Так в чём же дело? Переберите все эти случаи...
- Господин следователь, этих случаев бесконечно много. Нам потребуется вечность, чтобы их перебрать.
- Но тогда эта проблема неразрешима?
- Она неразрешима методом перебора. Всего лишь.
- А другим методом?
- Мы не знаем другого метода. Но не доказано, что его не существует.
- И всё-таки я не понимаю. Проблема усекновения в том, что вы не знаете, что это такое?
- Совершенно верно.
- Но в каждом частном случае вы это знаете?
- Или знаем, или можем узнать. Мы же не проверяли все случаи. Повторяю, их бесконечно много. Доказано только, что каждый случай проверяем.
- Приведите пример, когда вы знаете.
- Настоятельница Альфа была беременна.
- Вы это уже говорили.
- Это один из случаев.
- А другой?
- Первый настоятельница не был беременным, потому что был мужчиной.
- Ну, хорошо, а третий?
- Я не беременна, это легко проверить. Мне кажется, вы тоже не беременны, господин следователь.
- Но я не настоятельница.
- А если бы были?
- Так суть усекновения в беременности?
- Вовсе не обязательно. Это только для этих случаев, ну, и ещё каких-то.
- А другие случаи?
- Маяк.
- Какой маяк?
- Который виден из окна моей кельи.
- И что с ним?
- Он гаснет, когда происходит усекновение.
- Ещё?
- Рука.
- Что рука?
- Если пальцы руки сложить определённым образом и направить на неё источник света, то на экране появится тень собаки с раскрытой пастью.
- Ну?
- При усекновении собака захлопывает пасть, как бы кусает. Понимаете?
- Ничего не понимаю. А ещё? Я пытаюсь нащупать закономерность.
- Господин следователь, вы что, хотите вот прямо сейчас решить проблему усекновения перебором всех случаев?

- Вы правы, госпожа Йа... Оставим это пока. У меня остались два вопроса, которые в ходе этого расследования уже стали стандартными.
- О моей математической специализации и о моей вере?
- Ну, математика меня интересует чем дальше, тем меньше.
- Но разбираетесь вы в ней чем дальше, тем больше, господин следователь.
- Только в интересах расследования.
- Понимаю вас. На вашем месте я бы тоже не заинтересовалась одеждой немолодой располневшей женщины.
- Это здесь не при чём, госпожа Йа.
- Как знать, господин следователь, как знать... Что же касается веры...
- Да?
- Вы будете смеяться, господин следователь.
- Вы верите в Розовые Кофточки, Плывущие В Синем Небе На Закате Дня?
- Чем вам не нравится моя кофточка?
- Простите, госпожа Йа, я не хотел вас обидеть. Просто неудачно пошутил.
- Я верю в то, что все верования манахов и манахинь, какими бы странными или, наоборот, традиционными они не были, суть частные случаи общей веры, что бы там ни говорил господин Ламед.
- И в чём же заключается эта общая вера?
- В этом и проблема, господин следователь.
- Понятно...
- Расписаться вот здесь?
- Да, пожалуйста.

Келья № 20

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день четвёртых Близнецов.

- Господин Рейш, расследование приближается к концу. Я, конечно, не полностью разобрался в математических и религиозных проблемах вашего монастыря, но, во-первых, у меня сложилось впечатление, что вы и сами в них запутались, а, во-вторых, это не имеет непосредственного отношения к делу. Собственно, мне осталось только найти госпожу Альфа и побеседовать с ней, но не думаю, что здесь возникнут какие-то трудности. И всё же лучше перестраховаться, поэтому для полноты картины я намерен допросить всех оставшихся манахов и манахинь, в том числе и вас.
- Кто такая Альфа?
- Да ладно вам! Господин Гимельджим и госпожа Йа мне уже всё рассказали.
- Что рассказали?

- Ну, хорошо, если вы так упорствуете. Альфа – это ваш второй настоятель, женщина, которая была беременна, а сейчас покинула монастырь и, скорее всего, уже родила.
- Сумасшедший дом!
- Что, простите?
- Я говорю: этот монастырь – сумасшедший дом.
- Ну, все вы, конечно, со странностями, но у кого их нет. Я бы не стал так уж...
- Это не метафора, господин следователь! Этот монастырь – психушка, и все, с кем вы беседовали, – пациенты, находящиеся здесь на излечении.
- Смешно.
- Это совсем не смешно, господин следователь. Нехорошо смеяться над больными людьми.
- Ну, ладно. А какие у вас симптомы, господин Рейш?
- Вы что, издеваетесь? Я врач!
- Ну, да, врач. В тренировочных штанах, шлёпанцах на босу ногу и с бородой, торчащей во все стороны.
- Какое вам дело до моей бороды!?
- Слушайте, господин Рейш, давайте говорить серьёзно.
- Вот именно!
- Так вы утверждаете... Это что, правда?
- Мамой клянусь!
- Но почему мне об этом никто не сообщил?
- А кто должен был сообщить? Я только вчера вернулся с конференции в Лондоне, а санитары и санитарки... Вы как-то умудрились оставить их на конец, принявшись с большим рвением допрашивать пациентов. Мои подчинённые просто побоялись вмешиваться в ход следствия.
- Да... и чем вы подтвердите свои слова?
- Вот мои документы.
- ...Вроде всё правильно. Но знаете, такие документы нетрудно напечатать на лазерном принтере. Нужна экспертиза.
- Так сделайте!
- Хорошо, документы я пока у вас забираю. Сейчас составим протокол об изъятии.
- Минуточку! А где ваши документы, господин следователь?
- Мои?
- Да, ваши. Как я могу быть уверен, что вы тот, за кого себя выдаёте?
- Они остались в моей комнате.
- Какой комнате? Её номер?
- Ну, номер я не помню, это на втором этаже правого флигеля, рядом с переходом в главное здание.

- На втором этаже правого флигеля находятся палаты для буйных больных, господин следователь!
- Вы что же, принимаете меня за своего пациента?
- А за кого ещё мне вас принимать, скажите на милость? Я, конечно, проверю в регистратуре, но скорее всего вы попали к нам во время моего отсутствия. Документов нет, вместо клиники у вас монастырь, кстати, почему вы его произносите через букву «а»? И при этом толкуете о каких-то математических проблемах. Ищете какого-то настоятеля, которого почему-то считаете женщиной, да ещё беременной.
- Но это не я придумал. Вот протоколы допросов. Можете убедиться: я задавал стандартные вопросы и получал ответы. Всё!
- Ага, стандартный вопрос про вид из окна... чего? Ах, да, кельи.
- Меня интересовало, не видел ли кто-нибудь настоятеля или просто что-нибудь необычное.
- А моё окно выходит на канатную дорогу, и каждое утро я вижу, как фуникулёр поднимается в горы. И что?
- Откуда здесь горы, господин Рейш?
- Выросли! За несколько миллионов лет. Кстати, а почему на вас не деловой костюм, а джинсы и футболка?
- Ну, мы же не в суде, это предварительное расследование, здесь нет дресс-кода.
- Всё! Я вызываю санитаров!

Келья № 13

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля во второй день четвёртых Близнецов.

- Господин Рейш позволил себе лишнее. Он будет наказан.
- Благодарю вас, госпожа Мимю. Он был так убедителен! В какой-то момент мне даже показалось, что я схожу с ума, что я могу оказаться не следователем по особо важным делам, а душевнобольным. Представляете, госпожа Мимю?
- Как ни странно, представляю, господин следователь.
- Ну, а теперь я хотел бы вернуться к расследованию. Как я уже говорил господину Рейшу – только он меня не слушал, конечно, – расследование почти закончено.
- Что вас ещё интересует?
- Сначала формальности. Что вы видели из окна своей кельи в то утро?
- У меня красивый вид, только немножко грустный. Река, в которой медленно стынёт вода, пунктирная линия столбов на месте разрушенного

моста и одинокое дерево без листьев на берегу. Вам это о чём-то говорит, господин следователь?

— Мне? Мне нет, а вам?

— И у вас не возникает никаких математических ассоциаций?

— Может быть, они возникают у вас, госпожа Мимю?

— Нет. А сексуальных?

— Госпожа Мимю! Кто кого допрашивает?

— Простите, господин следователь. Но это такая интересная тема!

— Какая тема?

— Ну, это ваше расследование.

— Понятно. Пойдём дальше. Ваша математическая специализация?

— Я занимаюсь исследованием истины и лжи. Но не как онтологических атрибутов математических утверждений, а как вероятностных предикатов высказываний в устной и письменной речи.

— Математическая лингвистика?

— Да, это её новое направление.

— И поэтому на вас майка с надписями на многочисленных языках?

— Вы проникательны, господин следователь. А что вы можете сказать о моей юбке?

— Но... на вас её нет!

— Правильно, это называется шорты.

— И при чём тут лингвистика?

— Да не при чём, просто сегодня жарко. А вам не жарко, господин следователь?

— Немного душновато.

— Так расслабьтесь.

— Простите?

— Не дышите так тяжело, позвольте воздуху свободно входить в вас и выходить.

— Спасибо. Так мы говорим о...

— О моей вере. Она у меня, господин следователь, совершенно особая.

— Да?

— Я верю в то, что все люди, независимо от возраста и пола, не совсем те, за кого себя выдают?

— Вы имеете в виду что-то конкретное? Обратней? Инопланетян?

— Господи, конечно, нет. Просто «не совсем те».

— Ну, я не вижу здесь ничего необычного.

— Правда?

— Проблема самоидентификации, кажется, это так называется?

— О, да вы психолог, господин следователь.

— Разве что немного, профессия обязывает.

— Понимаю.

- Госпожа Мимю! Как я уже говорил, расследование подходит к концу. Но в собранной мною информации есть один пробел. Может быть, он несущественен для сути дела, но я, знаете ли, не люблю пробелы.
- Вот как? А многоточия? Тире? Дефисы?
- Что, простите?
- Не обращайтесь внимания, это просто безусловный лингвистический рефлекс. Так какой пробел, господин следователь?
- Сожизнь. Я не вполне понял, что это такое. Математический это термин или религиозный? Что значит «здесь и там»? Почему мужчины и женщины видят сожизнь с разных сторон? Почему в ней меняются местами интервалы времени? Кто такие сожители?
- И почему у вас нет сожизни?
- Ну, и это тоже.
- Господин следователь, как вы, наверное, уже заметили, сведения, собираемые вами у манахов и манахинь, нуждаются в тщательной проверке и сравнительном анализе, поскольку многие из них лживы или являются результатом заблуждения.
- Совершенно точно.
- Тогда почему вы думаете, что мои сведения будут правдивы?
- Я вам доверяю, госпожа Мимю. Пока.
- Это хорошо. Пока. Видите ли в чём дело, господин следователь, термин сожизнь как раз и был придуман для объяснения того факта, что люди не совсем те, за кого себя выдают. Или даже совсем не те.
- Значит, жизнь и сожизнь – это как бы реальность и вымысел? Внутреннее и внешнее?
- Близко к этому. Но только близко. Не всегда можно отличить реальность от вымысла, и не всегда в таком различии есть смысл.
- Насчёт трудности различения я понимаю. Но что значит, не всегда есть смысл?
- Проведём мысленный эксперимент. Возьмём, к примеру, вчерашнее недоразумение. Представьте себе, что вы на самом деле душевнобольной, притворяющийся следователем по особо важным делам.
- Ну, здесь всё ясно: душевнобольной – реальность, а следователь – вымысел.
- А если душевнобольной и правда следователь, получивший, так сказать, производственную травму, серьёзную психическую травму, спровоцировавшую развитие душевной болезни?
- Гм...
- Да вы не переживайте, господин следователь. На самом деле никакой сожизни нет, а термин этот из разряда слов-оборотней.
- Слово-оборотень? Вы имеете в виду палиндром?

— Ха-ха-ха, конечно, нет. Я имею в виду слово, смысл которого в процессе эволюции меняется почти на противоположный. Например, «настоящая любовь» когда-то означала не вечную любовь, а всего лишь ту, что сейчас, имеющуюся в настоящее время, не прошлую, не будущую, тем самым, как бы заведомо преходящую. А «подлинная правда» – это правда, добытая пыткой «длинниками», то есть длинными палками, с современной точки зрения правда весьма сомнительная. Вы же не пытаете допрашиваемых, господин следователь?

— Не пытаю. Значит, сожизнь...

— Всего лишь сомнительная жизнь, жизнь-фикция.

— И у меня этой фикции нет? А у настоятеля была?

— Господин следователь, прекратите пялиться на мои шорты.

— Но я всего лишь задумался...

— Думайте дальше, а я уйду. Где расписаться в вашем протоколе?

Келья № 16

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в третий день четвёртых Близнецов.

— Господин Айн, вы согласны с теорией сожизни госпожи Мимю? Она утверждает, что сожизнь – это сомнительная жизнь, жизнь-фикция.

— Не совсем. Мимю слишком увлеклась вероятностными предикатами, тогда как, на мой взгляд, здесь лучше применять модальную логику. Если бы я занимался теорией сожизни, я бы выбрал семантику Крипке, ну, или что-то в этом роде.

— Семантика Крипке?

— Да, она основана на представлении о множественности миров. В разных мирах могут действовать разные законы, поэтому любое утверждение может быть истинно или ложно только в зависимости от того, в каком мире оно рассматривается. В одних мирах это утверждение истинно, а в других ложно. Например, в одном мире настоятелем была госпожа Альфа, а в другом – господин Алеф.

— Подождите. Вы отрицаете, что настоятелем была госпожа Альфа? Что она была беременна, а сейчас, скорее всего, уже родила?

— Я сказал: в одном из миров.

— А в настоящем мире?

— Господин следователь, а что такое настоящий мир? Ещё несколько дней назад вы не знали, что Альфа беременна. Ещё раньше ничего не слышали о самой Альфа, но были уверены, что настоятель женщина. Ещё раньше вы и этого не знали, почему-то полагая, что настоятель должен быть мужчиной.

Вас беспокоил только его пенис, точнее, его отсутствие. Ещё раньше и этого не было. Наконец до приезда в монастырь вы вообще ничего не слышали о настоятеле.

— Но это говорит только об изменении моего представления о мире. Расследование для того и проводится, чтобы узнать истину, и естественно проходит разные стадии, на которых в качестве рабочих гипотез за истину принимаются те или иные утверждения.

— А откуда вам известно, что меняются только ваши представления о мире, а не сам мир?

— Гм...

— Я вам скажу больше: эти разные миры вовсе не обязательно расположены последовательно на одной оси времени. Строго говоря, время здесь вообще не при чём. Тем более что само время – всего лишь гипотеза, удобная и практичная, не спору, но – гипотеза.

— И никакого настоящего мира нет, так по-вашему?

— Ну почему же: есть, конечно. Только слово «настоящий» означает не «истинный», а всего лишь «текущий». Это текущее значение переменной.

— Какой переменной?

— Переменной мира, ведь мир – это переменная, которая пробегает множество миров.

— И порядок этого вашего «пробега» не связан со временем? Он что, может быть любым?

— Скорее время связано с порядком пробега. Да, этот порядок не единственно возможный, но, конечно, не произвольный. Понимаете, между мирами существуют связи, как стрелки, переводящие из одного мира в соседний. Переменная может двигаться только по этим стрелкам, но не «перепрыгивать» как ей вздумается. Вы же не могли, ещё не зная, что настоятель женщина, придти к выводу, что она беременна? Но и наоборот: теперь, когда вы считаете, что настоятелем была госпожа Альфа, пенис отпал сам собой. О, простите за неточность, я хотел сказать: вопрос о пенисе. Поэтому важным становится проблема достижимости миров и вообще связность Вселенной.

— Вы имеете в виду, в какие миры можно попасть, двигаясь по стрелкам из текущего мира, а в какие нет? А что, какие-то миры могут быть недостижимы?

— Если Вселенная не связна. Ну, например, вряд ли достигим мир, в котором беременна не Альфа, а вы, господин следователь.

— Но такой мир не просто недостижим, он невозможен.

— Я бы не был так уверен, господин следователь. Кроме того, невозможность как раз и означает недостижимость. Вы пытаетесь говорить об истине и лжи, как о понятиях абсолютных, тогда как в рассматриваемой нами логике они относительны.

— Понимаю, но не могу не заметить, что эта ваша новейшая логика очень далеко ушла от здравого смысла.

— Не такая уж она и новейшая, господин следователь. О модальных утверждениях писал ещё Аристотель. Просто потом, в средние века, Аристотеля в европейских университетах изучали только до модальностей. Опасались, что студенты усомнятся в лучшем из миров, который сотворил Бог. Или того хуже – решат, что миров бесконечно много. А это уже гностическая и буддийская ересь.

— Модальные логики – ваша специализация в монастыре, господин Айн?

— Не только модальные, но и все неклассические логики.

— Тогда подскажите, господин Айн, что мне записать в протоколе? По вашей логике настоятель какой-то неустойчивый, всё время меняется: то такой, то другой.

— Я рад, господин следователь, что вы во всём разобрались.

— В чём разобрался?

— В семантике Крипке. Ведь когда при переходе по стрелке меняется мир, то это как раз и означает, что меняются какие-то его элементы, хотя не обязательно все, а какие-то исчезают, или появляются новые. Поэтому в принципе все элементы мира тоже переменные, только у каждого свой особый закон изменения. Настоятель тоже переменная.

— Это я не могу записать в протоколе. А если я напишу, что настоятелем была госпожа Альфа, то это будет верно только в текущем (или уже прошедшем?) мире. Но хуже всего то, что в тот момент, когда эти протоколы лягут на стол судьи, мир может измениться.

— Какого судьи?

— Ну как же: это ведь предварительное расследование. Потом должен быть суд, который поставит все точки над «и», вынесет решение.

— Решение о чём? Кому быть настоятелем?

— Разве это решают не манахи и манахини?

— Конечно, нет.

— У вас есть вышестоящая инстанция, которая решает этот вопрос?

— Да нет же! Просто есть определённые правила изменения переменных, по которым всё и происходит. Ни мы, ни кто-то ещё не можем изменить эти правила или как-то повлиять на выбор настоятеля.

— И что же это за правила?

— Правила финикийского алфавита.

— Какого?

— Финикийского. Это прародитель почти всех алфавитных письменностей, как исчезнувших, так и современных, кроме японской каны и корейского хангыля. От него произошло арамейское письмо, давшее начало еврейской, арабской, уйгурской и другим письменностям, включая индийскую. А ещё

армянский и грузинский алфавиты. И наконец, греческий алфавит, породивший позже латиницу и кириллицу.

— Греческий?.. Любопытно... То-то мне показались знакомыми имена некоторых манахов и манахинь. Госпожа Каппа, господин Бета Дом, правда, не понимаю, почему Дом, госпожа Альфа – первая буква греческого алфавита!

— Дом, потому что в финикийском алфавите буква Бета означала Дом. Точнее, не Бета – это греческое произношение, а Бет – как в иврите.

— Но остальные имена?

— Буквы финикийского алфавита. Я это не одобряю, но некоторые манахи и манахини выбирали не финикийское произношение, а более позднее – как в иврите, в арабском или греческом языках. Для благозвучности, что ли. Например, греческая буква Каппа по-финикийски звучит Каф и означает ладонь.

— А госпожа Коппа? Она просила не путать её с Каппой.

— Так произносилась ныне исчезнувшая греческая буква – по-финикийски Коф – обезьяна, игольное ушко. А кое-кто и вовсе беспринципно совместил в своём имени произношение одной и той же финикийской буквы в разных дочерних языках. Ведь старик Гимельджим – это верблюд: Гимель в иврите и Джим в арабском. Я ещё удивляюсь, что он не добавил греческое произношение – Гамма, наверное, решил, что это больше подходит женскому имени. Такое же совмещение сделали Пэй Фа и Син-син. Другие мешали иврит не с арабским, а с греческим: все эти Самекси, Цади-саны, Мимю и Тета-тетты...

— А почему Е простое?

— Это уже чистый выпендрёж! Хорошая финикийская буква Хе, так нет же, он выбрал греческое название Эпсилон. Да ладно бы просто выбрал, но зачем переводить с греческого название буквы? Ведь что значит Эпсилон буквально? Это значит Е–пси́лон, то есть Е простое, чтобы отличить от созвучного сочетания альфа-йота.

— А вы, господин Айн?

— 16-ая буква финикийского алфавита, означает глаз. Так же в арабском, в иврите – Аин.

— А по-гречески?

— От Айна произошли сразу две греческие буквы: Омикрон и Омега, то есть О-маленькое и О-большое.

— Альфа и Омега...

— На что вы намекаете?

— Ну как же: начало и конец. Только госпожа Альфа была не первым настоятелем, а вторым.

— Вообще-то первым, только...

— Но господин Гимельджим...

— Либо нарочно вас запутал, либо и правда забыл, склероз, знаете ли. Первый настоятель и настоятелем-то, по сути, не был. Основал монастырь и сбежал. У нас тогда не было ни финикийских имён, ни номеров.

— Значит, всё-таки начало и конец. Так вы – конец, господин Айн? Последний настоятель?

— Что вы чушь городите! Это в греческом алфавите Омега – последняя буква, а в финикийском она занимает скромное 16-ое место.

— А последнее?

— Тав, 22-ая буква.

Келья № 22

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной четвёрки.

— Здравствуйте, госпожа Тауса. Проходите, садитесь. Чаю?

— Благодарю вас, но я пришла, чтобы ответить на ваши вопросы, господин следователь.

— Мне нет нужды вас допрашивать. Расследование закончено. По крайней мере, в монастыре.

— Это несправедливо! Вы опросили всех, кроме меня.

— Да, но... Хорошо. С чего же начать?

— Начнём с вопроса, который вы не задали господину Айну. Что он видит в своём окне.

— Вы хотите ответить вместо него?

— А почему бы и нет? Итак, в окне своей кельи господин Айн видит полуразрушенную ветряную мельницу.

— Вот как?

— Да. Это шатровая мельница. Только крыльев давно нет, шатра тоже, перекрытия обрушились, а балки сгнили и больше не поддерживают столб в вертикальном положении. Он торчит, опираясь на край восьмерика, а большая шестерня валяется на земле.

— Вы так хорошо разбираетесь в устройстве мельниц?

— Это к делу не относится, важно другое.

— И что же?

— От мельницы почти ничего не осталось, почему же мы её по-прежнему называем ветряной мельницей?

— И почему, госпожа Тауса?

— Это вы сами думайте, господин следователь. А в моём окне – хозяйственный двор со всякими сараями и сараюшками, и что-то вроде

шлагбаума, преграждающего вход в этот двор. Вам это ни о чём не говорит, господин следователь?

— Затрудняюсь...

— Не затрудняйтесь! Это и на самом деле ничего не значит.

— Тогда зачем вы об этом говорите?

— Для полноты картины. Вот почему вы думаете, что настоятелем была Альфа?

— Показания господина Гимельджима и госпожи Йа, и господина Айна.

— Айн обо всём говорит в гипотетическом смысле: если бы, в одном из миров, и так далее. Он просто под вас подстраивался, господин следователь.

— Но остальные?

— Вот именно: остальные. Из двадцати свидетелей об Альфе говорили двое, третий только в гипотетическом смысле, а Рейш вообще услышал о ней от вас.

— Но господин Рейш...

— Что господин Рейш? Да, он несколько экстравагантен, даже хамоват, между нами говоря, но это не означает, что он врёт.

— Госпожа Тауса, вы хотите вернуть следствие к исходной точке?

— Это вы сами сделаете. Моя задача – честно ответить на ваши вопросы.

— Но я ничего не хотел у вас спрашивать.

— А теперь?

— Ну, ладно. Итак, настоятель не Альфа, так?

— Так.

— А кто? Может быть, вы?

— С чего вдруг?

— Ну как же: Альфа и Омега, но это в греческом. А вы 22-ая манахиня, последняя буква финикийского алфавита. Тогда если не Омега, то Тав. Кстати, а почему ваше имя не Тав?

— Фи! Как может женщина называться мужским именем? Я соединила греческое и арабское звучание. А что? По-моему получилось красиво.

— Господин Айн это не одобряет.

— Это потому, что он последний зануда.

— Так кто же настоятель, по-вашему? Это женщина или мужчина?

— Мужчина.

— Как его зовут?

— Как и первую букву финикийского алфавита – Алеф.

— И где же он?

— В своей келье, конечно, в келье № 1.

— И я могу с ним побеседовать?

— Почему бы и нет? Я вообще не понимаю, почему вы не сделали этого раньше, господин следователь.

— Потому что... Ну, я не придавал значения номерам келий.

- Вот именно.
- Стоп! Пусть даже я найду в келье № 1 мужчину под именем Алеф. Пусть даже он и есть настоящий. Но после усекновения...
- После чего?
- Усекновения. Или вы и это отрицаете, госпожа Тауса?
- Нет, просто не расслышала.
- Ага! Значит, усекновение было?
- Почему было? Оно и есть.
- В каком смысле?
- А что такое усекновение, господин следователь?
- Ну... тут я беседовал с госпожой Йа...
- Ну-ка, ну-ка, и что она вам сказала? Дала точное и строгое определение?
- Не совсем. Она сказала, что проблема усекновения в том, что мы не знаем, что это такое.
- Мне кажется, вам нужно с этим смириться, господин следователь.
- С чем?
- С незнанием. Вы же не господь Бог, чтобы всё знать. Что-то вы всё равно не знаете. Усекновение вполне подходит для этого.
- Но моё расследование...
- Закончено, вы это уже говорили. Вопрос в том, каков его результат?
- И каков же, по-вашему?
- Спросите лучше об этом у Алефа.
- ...
- Господин следователь, с вами беседовали все манахи и манахини, ну, кроме Алефа. Наше общее мнение такое – вы нам нравитесь.
- Что?
- Вы никого не обидели, к каждому нашли свой подход. Конечно, ваши математические познания, мягко говоря, слабоваты. Но, во-первых, вы не стоите на месте, вы уже значительно продвинулись за то короткое время, что живёте в нашем монастыре. А во-вторых, это не так важно.
- Важно для чего?
- Для усекновения.
- Что-то я перестал вас понимать, госпожа Тауса.
- А и не надо меня понимать, господин следователь. Гораздо важнее, чтобы вы с Алефом понимали друг друга.
- Кажется, мне не избежать этой встречи...
- Её никто не может избежать, господин следователь.
- Вы говорите загадками и окружаете господина Алефа какой-то тайной.
- До свидания, господин следователь. Спасибо за чай.

Келья № 1

Я, следовательно по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день четвёртых Близнецов.

- Господин Алеф?
- А, господин следователь. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул, пожалуйста.
- Спасибо. Я представлял вас несколько старше.
- А я вас несколько моложе. Но всё относительно, знаете ли. Чаю?
- Не откажусь. Господин Алеф, я бы хотел сразу перейти к сути дела.
- Вам с сахаром? С лимоном?
- С лимоном, если можно.
- Так я вас слушаю.
- Вы настоятель этого монастыря?
- Ещё вчера я бы не знал, что вам на это ответить, господин следователь. А позавчера стал бы решительно отрицать.
- Что-то изменилось?
- Конечно. Вы же закончили расследование.
- Теперь я в этом уже не так уверен.
- Ну и зря. По-моему вы провели его очень хорошо. Может быть, и были какие-то огрехи и неточности, но я их не вижу, я же не специалист.
- Так что сегодня?
- Сегодня?
- Как вы сегодня ответите на мой вопрос? Вы настоятель этого монастыря?
- Похоже на то. С точностью до симметрии. Вы знаете, господин следователь, я никогда к этому не стремился. Честно говоря, я и в монастыре-то оказался случайно. Мне здесь не всё нравится. Наверное, кое-что придётся изменить.
- Что изменить?
- Например, форму одежды настоятеля. Мне не хочется носить рясу.
- Я гляжу, вы одеты как я: рубашка, джинсы.
- А как же иначе. Но это не главное.
- А что главное?
- Что главное, я пока не понимаю. Но вот, например, календарь.
- Что с ним?
- Так уж заведено, господин следователь, что настоятель монастыря должен поменять календарь. Это традиция, сложившаяся в незапамятные времена.
- И вы его поменяли?

— Ещё нет, но уже готов. Я хочу, чтобы календарь лучше соответствовал внутреннему устройству монастыря. Если в финикийском алфавите 22 буквы, то и в году должно быть 22 месяца.

— Это получается по 16-17 дней в месяце?

— Только в среднем. Я основываю календарь на простых числах-близнецах. Знаете, что это такое?

— Два простых числа, разность между которыми равна двум?

— Да. Единицу я тоже считаю простым числом, ведь она, как и все простые числа, делится только на себя и на единицу. Так что первая пара – это 1-3, вторая 3-5, третья 5-7, четвёртая уже 11-13, потом 17-19, ну и так далее.

— И как же устроен ваш календарь?

— Номер пары близнецов – это номер месяца. Я их считаю с нуля, так удобнее. Первое число пары – это нулевой день месяца, следующее число – первый день, потом второй день, и так далее до следующей пары близнецов. Таких пар близнецов, то есть месяцев, в году уместается как раз 22. Последняя пара 347-349, следующая уже выходит за пределы года – это пара 419-421.

— И зачем это, господин Алеф?

— Ну как же. Пара близнецов – это жизнь и сожизнь, здесь и там, тоже близнецы.

— Госпожа Мимю говорит, что сожизнь – это фикция.

— Не фикция, господин следователь, а жизнь-фикция. Это как математика.

— Математика – фикция?

— Только по отношению к жизни. Возьмите любой математический объект: точку, прямую линию, число... Разве они встречаются в жизни? Это же абстракции. Так же и мы.

— Кто мы?

— Манахи и манахини.

— Но это живые люди.

— И одновременно их отражения. Здесь и там. Вчера и завтра. Внутри кельи и за её окном. Чёт и нечет. Мужчина и женщина, потому что пенис и вагина.

— На что вы намекаете?

— Вот вы меня хорошо видите, господин следователь?

— Да вроде бы.

— А так?

— Вы наклонились в сторону, и я вижу только окно за вашей спиной.

— Вот видите, господин следователь.

— Не вижу.

— Ну, хорошо. Мне не хотелось об этом говорить, но, видимо, придётся. Дело в том, господин следователь, что не так давно мы обнаружили недостачу монастырских денег.

— Да, господин Гимельджим говорил мне. Что-то около ста тысяч долларов? Но ведь они потом нашлись.

— Вот именно что потом. Но сначала мне пришлось организовать внутреннее расследование.

— И?

— Поскольку деньги нашлись, расследование пошло по другому пути. Сейчас оно уже закончено.

— Как и моё расследование.

— Так ведь это одно и то же расследование, господин следователь.

— Почему это? Я расследовал усекновение настоятеля.

— А что такое усекновение?

— Во всяком случае, не то же самое, что недостача. Все говорят, что это неизвестно.

— И я так говорю, ведь деньги нашлись.

— Господин Алеф, вы тоже пытаетесь меня запутать.

— Вовсе нет, господин следователь! Наоборот, я пытаюсь внести ясность. Но... как бы это сказать... не слишком грубо.

— Никакой ясности я не вижу!

— Вы просто не хотите видеть, господин следователь. Знаете, что? А давайте прогуляемся. Вы уже допили свой чай?

— Да, спасибо. Вы мне хотите что-то показать? Там, в парке?

— У нас тут чудесный парк, свежий воздух, красивые виды, на ходу лучше думается. Вы не пожалеете, господин следователь.

— Да, воздух действительно свежий, могло бы быть и потеплее.

— Но ведь сейчас только самое начало весны, господин следователь. Кстати, моё любимое время года. Посмотрите, как голубеет небо в кронах тех клёнов.

— Господин Алеф, вы ведь не специализируетесь в какой-то определённой области математики?

— Почему вы так думаете?

— Госпожа Нун сказала, вы осуществляете общее руководство.

— Ну, это, конечно, верно, но всё же у меня тоже есть свои пристрастия. Смотрите, на ветках ивы уже расселись прилетевшие с юга птицы.

— И какие же?

— Это жаворонки, господин следователь. Видите, у них хохолки на голове.

— Я спрашивал, какие пристрастия.

— А, это... Меня интересует поэзия.

— Поэзия? Но это же не раздел математики!

— Вы так уверены? А знаете ли вы, что самая старая в индийской математике рукопись Бэшали, ещё берестяная, написана стихами? А математические задачи грека Метродора, ученика Диофанта Александрийского, отца

алгебры? А алгебраическая поэма бербера Ибн аль-Ясмينا? Даже в арифметике Магницкого есть стихотворные строки.

— Но это всего лишь форма. Да и писать стихами не значит писать стихи.

— Господин следователь, знаете, в чём математика и поэзия совпадают? В них форма — это и есть содержание. Измените один значок в математическом доказательстве — и оно станет неверным. Измените одно слово в стихотворении — и поэзия исчезнет.

— Возможно, но это ещё не значит...

— Нет, значит! Когда-то математика и поэзия были едины: и в духе, и в букве. Их разъединение — это грехопадение.

— Даже так?

— Вы видите этот могучий дуб, господин следователь?

— Красивое дерево, но я не понимаю...

— Оно не просто красивое, господин следователь. Оно ещё точно рассчитано. Математически точно! Посмотрите, как соразмерны его ствол, вот эти могучие корни, эти тяжёлые ветви, как они разветвляются и утончаются вплоть до исчезающих кончиков. Да оно и красивое лишь потому, что математически точно. И, смею утверждать, что математически точно лишь потому, что красиво.

— Но при чём тут грехопадение?

— При том. Человек разъединён внутри себя самого. Но мы идём по кругу, господин следователь.

— Мне кажется, мы здесь ещё не были. Вон тот мостик впереди, мы его не проходили.

— Да нет, господин следователь, я говорю о человечестве. Мы движемся по большому кругу и в конце концов должны вернуться: математика и поэзия должны воссоединиться.

— Как вы себе это представляете, господин Алеф?

— Никак. В этом и проблема.

— И вы хотите сказать, что это и есть та проблема, которой занимаются в вашем монастыре? А другие манахи и манахини согласны с вами?

— Не знаю. Это только желание, надежда, мечта, чаяние. И, конечно, страх.

— Страх? Вы чего-то боитесь, господин Алеф?

— Ну, конечно: Страшного Суда.

— ?!

— Ах, господин следователь, это просто поэтическая метафора.

— А не тот ли это мостик, где видели настоятеля?

— И одновременно математический термин.

— Мостик?

— Да нет, Страшный Суд. Хотя, мостик тоже.

— Хотя, если вы, господин Алеф, и есть настоятель, то это вас там и видели.

- Дело в том, что перед Страшным Судом произойдёт воскрешение из мёртвых.
- Что?
- Да, да! Воскрешение из мёртвых всех когда-либо написанных поэтических и математических стихотворений.
- Господин Алеф, вы ведь знаете господина Рейша?
- Давайте я вам прочту стихотворение.
- Правда, госпожа Мимю считает, что Рейш неудачно пошутил, но госпожа Тауса утверждает, что Рейш не врёт.
- Отсюда, с мостика открывается самый лучший вид в нашем парке. Видите, как течёт речка? Чувствуете дыхание весеннего ветерка? Слушайте.
- У Рейша теория психиатрической лечебницы.
- *(читает стихи)*
- Это стихотворение об усекновении?
- Нет, господин следователь, это о жертве. Я же вам рассказывал. Или не рассказывал? Ну, это не важно. В конце концов, жизнь и сожизнь так симметричны...
- А это...
- Да, господин следователь, усекновение.

11-24 февраля 2013 - 30 октября 2017